

Annotation

Прекрасен замок Ферн! Воздушные сады, хрустальные часы, фонтаны с золотыми рыбками. Герцог обещал сделать свой замок лучшим местом в королевстве – и он сдержал свое обещание.

Я, воспитанница пансиона, отправляюсь туда, чтобы обучать наследницу магии. Казалось бы, судьба проявила благосклонность, но... Слишком много странных событий вокруг. Да и сам герцог – сплошная загадка. А ещё темные заклинания, которыми пронизан замок, непонятная магия Диких племен и незнакомый мужчина рядом с моей ученицей. Кто он, этот незнакомец? Чья кровь на рубашке у герцога? И, наконец, что делать, если довелось встретить самую настоящую Тень, одну из тех, кто медленно разрушает наш мир?

Лорд из города теней
Пролог

Глава 1. Дорога на запад

Глава 2. Таинственный гость

Лорд из города теней
Оливия Штерн

Пролог

– ... Как думаешь, кого из наших выберут?

Слабый голосок Рут дрожал. Она выпалила этот вопрос и закашлялась, а я подумала, что не выберут ни ее, ни меня. Ее – потому что болеет, не переставая, все сильнее, и девочки слышали, как лекарь, неведомо каким чудом принесенный в пансион святой Матильды, говорил матушке, что недолго уже осталось, вряд ли осень переживет. Меня же – оттого, что ни один наниматель в здравом уме не позовет на работу темную ведьму.

Конечно, об этом никогда не кричали вслух, да и ведьмой никто в лицо не называл. Было принято вот так: «обладательница темного спектра магического дара». Но сути это не меняло. Темный спектр был слишком близок Теням, и уже только за это темных в народе не любили, подозревая во всех возможных и невозможных грехах. Блестящая карьера полагалась только обладательницам светлого спектра Дара, ну а темной ведьме после выпуска из пансиона только и оставалось, что ютиться где-то на окраине города или в лесной глуши. Единственное, чем темная могла прилично заработать, так это запечатыванием нор, которые прокладывали Тени, и которые нарушали стабильность материи.

Занятие это было крайне рискованное. Можно нарваться на

ловушку, или даже на живую тень. Светлые маги этим не занимались, и светлых было жалко, темных же – ни капельки. Ну и что, что тень сложно убить? Ну и что, что даже полумертвая тень может выпустить вполне себе реального фантома, способного тебя задушить? Туда вам, темным, и дорога. Не просто так спектр темного Дара близок к оттенку той магии, которой владеют ненавистные твари, пришедшие, чтобы погубить наши земли!

Впрочем, в последнее время все меньше и меньше Теней выходило за пределы скрытых городов. Следовательно, все меньше темных магов требовалось для запечатывания нор и, соответственно, для молоденькой ведьмы вроде меня шансы на заработок были практически сведены к нулю.

Я покосилась на Рут, затем перевела взгляд на темную воду под ногами.

Мы стояли посреди хлипкого мостка через ручей. Я бросала в него оранжевые ягоды рябины, обрывая их с кисти. Из рта вместе с дыханием вырывался пар. Солнце садилось за холм, окрашивая порывевшую и побитую заморозками траву, и совсем чуть-чуть добавляло красок совершенно бледному лицу Рут.

– Не думаю, что выберут кого-то из нас двоих, – нехотя ответила я, – им наверняка нужен кто-то с даром самого светлого спектра. А мы с тобой темноваты для хорошо оплачиваемых дел.

Я никогда не сказала бы Рут о том, что услышала в коридорах пансиона. Она была доброй и милой, и совершенно беспомощной перед своей болезнью – как годовалый малыш беспомощен перед бешеным псом. Ее хотелось поддержать, чем угодно, пусть даже сладкой ложью, и я отчаянно взвалила на себя эту ношу, каждое утро убеждая Рут в том, что она выглядит лучше, чем вчера. Может, это так и было на самом деле – только вот это «лучше» походило на прозрачный свет, что струится из-за той завесы, что разделяет «здесь» и «вечно».

Порыв ветра всколыхнул рыжеватую степь, невесомо толкнул в грудь. Я плотнее запахнула края плаща и вновь посмотрела на темную и блестящую воду под мостиком. Течение здесь было медленным, и казалось, что мутная вода застыла, словно серое стекло.

– Вообще-то, я пришла за тобой, – снова подала голос Рут, – матушка сказала, что граф Уимбер приказал явиться всем.

Я пожала плечами.

– Зачем? Наверняка там Миирин, и Шейла... Вот из них кого-нибудь и выберут.

Потом я задумалась. Названное Рут имя показалось знакомым. Хоть мы и жили в уединении, но кое-какие слухи все же достигали

нашего пансиона для благородных и одаренных магией сирот. Граф Уимбер, говорите? Кое-что я читала в газетах, которые бессовестно воровала у матушки. Время от времени на пожелтевших и порядком измятых страницах мелькало это имя. Лесли Уимбер возглавлял не много, ни мало, а ведомство магического сыска. Такие птицы высокого полета не заглядывают в душные, затянутые паутиной углы. Интересно, зачем ему понадобилось явиться сюда лично?

– Ладно, пойдем, посмотрим, – пробурчала я.

– Так бы сразу, – ответила Рут. Она взяла меня за руку худыми пальцами, и мы пошли, оставляя за спиной и ручей, и мостик, и степь, распахнувшую рыжие, с желтыми подпалинами, крылья.

Пансион Святой Матильды был чем-то средним между особняком и замком. Иными словами, он представлял собой двухэтажный, с чердаком, особняк, словно завернутый в кольцо довольно высоких, в два моих роста, стен. Кое-где стены рассыпались, и сквозь бреши то тут, то там, проглядывали бока здания, из темно-бордового кирпича. Некогда великолепные ажурные ворота так и остались навсегда распахнутыми, потому как их перекосило до такой степени, что не было и возможности запереть. Впрочем, от кого запирасть? Местные знали, что воровать здесь совершенно нечего, а девицы, содержащиеся в пансионе, настолько измучены недоеданием, простудами и упражнениями в магической науке, что склонить кого-нибудь из них к страсти пылкой казалось задачей невыполнимой.

Шагая к парадному, я задумчиво жевала остатки рябины. Это нарядное деревце росло на заднем дворе, и ягоды, как правило, не доживали до зимы: их обрывали воспитанницы ещё по осени. Мысли крутились вокруг персоны графа Уимбера. Что ему здесь нужно? Неужели для себя кого-нибудь ищет? В ассистентки?

Ненароком вспомнился дагерротип из газеты, Уимбер на фоне им же убитой тени, поставил сапог на спину твари, и даже на изображении видно, что каблук щегольской туфли провалился в черную плоть, которая как будто лохмотьями расплескалась по мостовой... Лесли Уимбер улыбался, демонстрировал ровные зубы и задорные ямочки на гладко выбритых щеках и широком подбородке. А мне дагерротип не понравился. Это было похоже на то, как будто Лесли Уимбер побывал на охоте и приказал запечатлеть себя на фоне убитого кабанчика. А тень, между прочим, была разумной тварью. Даже похожей на нас. Только когда умирала, превращалась как будто бы в кучу черных лохмотьев, длинных, полупрозрачных.

Тени не были виноваты в том, что первым миром на их вечном пути оказался наш. И они совершенно не были виноваты в том, что те карманы реальности, которые они сооружали, могли привести к массовым провалам грунта в нашем мире. Но наш король объявил их крысами и дал дозволение убивать. И красивый молодой Уимбер

щеголял новым сюртуком на фоне убитой тени, совершенно искренне гордился собой, потому что надо быть очень сильным магом и одновременно очень хитрым охотником, чтобы справиться с Тенью. Они ведь – древние. Не то, что люди.

– Мы не знаем, какую работу будет предлагать граф, – уже на ступенях сказала Рут, – а вдруг ему как раз и нужна магесса с даром темного спектра, чтобы запечатывать норы?

– Возможно. Поглядим.

Пожав плечами, я изо всех сил навалилась на отсыревшие двери, поднажала – и через несколько минут мы торопливо шагали через темноватый холл. Я зябко поежилась: иной раз мне казалось, что внутри пансиона ещё холоднее, чем снаружи, под степными ветрами.

На подходах к главному залу, где нас зачем-то обучали танцам, царило оживление: у распахнутых дверей жалась стайка младших девочек, их лениво отгоняла воспитательница, но у нее получалось плохо, потому что сама она была выпускницей, и ещё год назад ела овсянку за тем же столом, что и мы. Едва завидев нас, она энергично замахала руками, подзывая, и одновременно прикладывая палец к губам, призывая к тишине.

– Лора, Рут! Ну сколько можно? – сдавленным шепотом, – его светлость не привык ждать. Лора... Ну что за вид! – она застонала и подкатила глаза, – сколько тебе говорить, что благородные мисс должны заплетать волосы и прятать их под чепец? Да и прохладно уже... Ну, вы только посмотрите, растрепалась вся, на кого похожа...

Я улыбнулась в ответ на причитания, кивнула в сторону полуоткрытых дверей.

– Правда, что там сам Уимбер?

– Ну конечно! – шикнула девушка и всплеснула руками, – уже все собрались, вас только ожидают.

– Мне кажется, могли бы и не ждать, – прошептала я, – все равно ведь светлую выберет.

– Сама не знаю, зачем он сюда пожаловал... Сколько светлых-то в Теверлине, – согласилась воспитательница, – ну идите уж, идите. Нехорошо заставляя так долго ждать.

И подтолкнула нас к дверям. Сама дернула тяжелую и отсыревшую створку, и плотно ее прикрыла за нашими спинами.

А я поняла, что начинаю краснеть, потому что все уже были в сборе и, конечно же, теперь взирали на нас с Рут. Все! Выпускницы, матушка-воспитательница, управляющая и, само собой, Лесли Уимбер.

Я невольно засмотрелась. В пансионе не бывает – да и просто не должно быть таких красивых, утонченных и богатых мужчин. Иногда, конечно, случались просто богатые, которые искали себе молоденькую жену, но они не были ни молодыми, ни красивыми. Граф Уимбер был... недосягаемо великолепен для всех нас. И я подумала, что плохого в том, если я капельку посмотрю на него – самую малость? В конце концов, человеку иногда просто необходимо посмотреть на что-нибудь красивое. На старинное резное бюро из черного дерева. Или на графа Уимбера, например.

Он был высоким и плечистым. Черноволосым и кареглазым. В дорогом черном сюртуке с серебряным позументом. И даже со шпагой. Наверное, именно такие всегда и нравятся девушкам: когда смотришь на Уимбера, сразу приходят на ум какие-то неправильные и совершенно порочные мысли.

Словно сквозь толстый слой ваты я услышала, как матушка-воспитательница представила нас с Рут. Уимбер высокомерно кивнул, я присела в заученном поклоне, после чего мы проследовали к прочим девушкам. Проходя мимо Уимбера, я обратила внимание, что он крутит в руках какую-то небольшую, но очень интересную штуку: она походила на небольшую коробочку, всю утыканную медными и латунными шестернями. Творение артефакторов? Тоже было бы интересно узнать, не менее интересно, чем причина пребывания графа в нашем пансионе благородных и магически одаренных сирот.

– Ну вот, ваша светлость, теперь все в сборе, – бодро отчиталась матушка.

Граф, до этого стоявший неподвижно, приветствовал нас элегантным поклоном.

– Милые мисс, – сказал он, а у меня от этого низкого бархатистого голоса аж мурашки по коже побежали. Нет, не бывает на свете столь совершенных мужчин! Их просто не может быть... – я прибыл сюда, потому что... одному очень важному и приближенному к короне человеку требуется гувернантка.

По рядку девушек пробежал вздох – недоверия, ожидания...

А я невольно нахмурилась. Да ладно! Сам граф Уимбер приехал в приют для сироток, чтобы выбрать для кого-то гувернантку?

– Буду краток, – вновь заговорил он. Взгляд карих глаз пробежался по воспитанницам и отчего-то остановился на мне. Кажется, Уимбер не одобрял мои растрепанные волосы. Щекам вновь стало жарко. – Ехать придется на западную границу. Там одну из вас ожидает кров, достойное жалование и ученица десяти лет, которую необходимо обучить азам магии. У девочки дар скорее среднего спектра. По завершении работы гувернантке дадут отличные рекомендации, что, сами понимаете, откроет ей дорогу в самые лучшие дома Теверлина...

Он умолк, задумавшись, и тут на помощь пришла матушка. Прихрамывая, она подобралась поближе к Уимберу и, привстав на цыпочки (она едва доставала ему до плеча), залопотала:

– О, ваша светлость! Вы обратились в нужное место, клянусь святой Матильдой! У нас очень много достойных воспитанниц, все из хороших семей, за редким исключением – мимолетный, но многозначительный взгляд в мою сторону, – полагаю, любая из наших выпускниц превосходно справится с воспитанием девочки... Вы, ваша светлость, можете выбрать любую...

– Вне всяких сомнений, – сухо ответил граф, продолжая вертеть в пальцах артефакт.

Мне отчего-то стало неприятно. И жаль матушку. Она так уж прыгала перед этим графом, так уж прыгала, с ее-то больной коленкой.

– Я выберу девушку, на которую укажет спектрометр, – сказал Лесли Уимбер.

– Но... из хороших семей, – пролепетала матушка, и, поймав раздраженный взгляд графа Уимбера, умолкла. Уголки губ скорбно опустились.

Я нащупала руку Рут и сжала ее. В груди рождалось непонятное предчувствие, и оно не было хорошим. Как будто в выражении лица графа – кстати, спокойном и доброжелательном – я прочла угрозу.

– Давай назад, – быстро прошептала я и потянула Рут за собой. Но она заупрямилась, уперлась.

– Почему это? А вдруг меня выберут? А вдруг я смогу покинуть пансион до того, как...

«До того, как умру».

Она не сказала, но я поняла. И больше не тянула ее, мы остались стоять на месте, чуть сбоку от основной группки воспитанниц.

Уимбер тем временем покрутил настроечные колесики на своем артефакте – на спектрометре, как он его назвал. Затем просто выложил его на раскрытую ладонь (гладкую, приятную на вид, лишенную грязных мозолей, к которым мы все здесь привыкли, потому что все лето рвали траву в огороде). Спектрометр, поблескивая металлическими боками, окутался сизой дымкой и стал походить на паучий кокон. Внутри то и дело проскакивала искра, и я поймала себя на том, что взгляд сам собой прилипает к кратким сполохам света в дымке, как будто именно сейчас там происходило нечто важное... нечто страшное.

– Пусть каждая девушка подойдет и протянет руку над

спектрометром, – велел граф.

В зале медленно нарастал гул голосов: воспитанницы переговаривались, все громче, вертя головами в одинаковых чепцах, словно любопытные птички. На них прикрикнула матушка, и вновь стало тихо. Я стояла и наблюдала, как девушки, одна за другой, подходили к Уимберу, вытягивали вперед руку ладонью вниз, а он качал головой и повторял:

– Следующая... Нет, вы не подходите... Следующая.

Потом и Рут мелкими шажками подобралась к спектрометру. Потянула вперед руку, я видела, что пальцы у нее сильно дрожали, и губы тоже дрожали, словно она вот-вот разрыдается.

– Следующая, – равнодушно произнес Уимбер.

Наверное, именно таким тоном он предлагал репортерам делать фото, когда попирал ногой убитую тень.

– Мисс Кромби, – меня позвала матушка, и я вздрогнула.

Ощущение опасности повисло в воздухе. Где-то в глубине души мне совершенно не хотелось подходить к спектрометру, потому что я уже знала результат, и он мне совершенно не нравился.

– Лора! – повысила голос матушка.

Я оторвала взгляд от пола и встретилась им со взглядом Уимбера

– таким тяжелым, пронизывающим до костей и совсем неласковым. Ни следа не осталось от красивого мужчины, которым хотелось любоваться: передо мной был совершенно холодный, беспринципный

субъект, готовый идти по головам ради достижения собственных – и пока что малопонятных мне целей.

Так, как он шел по телам убитых теней.

– Да, матушка, – сипло ответила я.

И все-таки сделала пять шагов, разделявшие меня и графа Уимбера. И протянула вперед руку, ладонью вниз, затаив дыхание, наблюдая, как искрящаяся дымка вокруг спектрометра мгновенно налилась чернильной тьмой.

– Эта. Я забираю эту, – прогремел голос графа.

– Но... из хороших семей... – пискнула матушка.

– Я же сказал – эту! – уже не скрывая раздражения, рявкнул Уимбер.

А я все держала руку над спектрометром, и пыталась сообразить, зачем девочке с даром среднего спектра нанимать гувернантку с даром из спектра темного, такого темного, что оставалось одно маленькое деление шкалы до той кошмарной, густой тьмы, которой правят тени.

Я ведь ничему толком ее не обучу, потому что структуры заклинаний каждой стадии насыщенности спектра видимы только для носителей такой же насыщенности. Девчушка не сможет работать с той магией, с которой работаю я, а я, в свою очередь, даже не увижу того, что будет делать с магической энергией она. Разве что результат увижу, а что там, внутри – непонятно.

– Как вас зовут, юная мисс? – мягко поинтересовался Лесли Уимбер.

Задумавшись, я не сразу ответила – а потому за меня ответила матушка.

– Это Лора Кромби, ваша светлость. К сожалению, не могу похвастаться ее происхождением... Но она очень ответственна и неглупа, правда, несколько рассеянна.

– Ничего, – внезапно Уимбер широко улыбнулся, – мисс Лора Кромби более чем подходит нашим целям.

Глава 1. Дорога на запад

Теперь я собирала вещи. Их было не много: две старые нательные сорочки и одно платье на смену, из уныло-серого сукна, которое напоминает зимнее небо в наших краях. В дополнение в саквояж отправилась пара теплых чулок, которые я сама и связала, и панталончики, которые подарил одной из воспитанниц богатый и старый поклонник. Пассия его, исключительно в силу особой диеты нашего пансиона, из панталончиков практически вывалилась – а потому они были подарены мне, как обладательнице более широких бедер. Завершающим штрихом явился костяной гребень, подаренный поклонником уже мне. Но тот поклонник казался мне настолько отвратительным и похожим на жабу стариком, что я не польстилась даже на перспективы стать хозяйкой собственного дома с прислугой.

Оглядевшись, я сообразила, что все уже и собрано. Больше в спальне с двумя кроватями не было ничего из моих личных вещей. Белье принадлежало пансиону.

Я вздохнула и уселась на кровати поверх покрывала. Хотелось немного собраться с мыслями и попытаться понять, зачем Лесли Уимбер, убийца Теней, выбрал меня. Происходящее нравилось мне все меньше, а сам выбор гувернантки казался хорошо разыгранным

представлением.

Тут дверь с тихим скрипом отворилась, и в спальню заглянула Рут.

Осторожно так заглянула, как мышка выглядывает из норки.

Рут немного и напоминала мышку: тихая, с темными большими глазами, с тонкой темно-русой косичкой. Моя самая лучшая и самая несчастная подруга Рут.

– Собираешься? – совершенно бесцветно поинтересовалась она.

Я пожала плечами. Понятное дело, что самой Рут тоже очень хотелось быть выбранной, хотелось увидеть этот мир до того, как... Но не повезло. А может быть, наоборот, повезло, время покажет.

Рут бесшумно просочилась в спальню и подошла, держа руки за спиной.

– Не завидуй, – сказал я, глядя ей прямо в глаза, – я ума не приложу, зачем для девочки с магией среднего спектра гвернантка с

даром самых темных градаций серого.

– Я не завидую. Подвинься.

Она села рядом, расправила подол такого же унылого платья, как и то, что уже лежало в моем саквояже, потом вложила мне в руку медальон на тонкой цепочке.

– Забирай, Лора. Тебе он пригодится.

– Зачем?! – обомлев, я уставилась сперва на Рут, потом на медальон.

Это был простенькое серебряное украшение, маленький, с ноготь, тонкий овал с чеканным изображением Святой Матильды. В королевстве ее стали почитать после того, как она пожертвовала собой, защищая одаренных девочек от Чистого короля, который всю жизнь занимался тем, что искоренял магию из крови человеческой. Искоренял систематично и без особой фантазии, путем уничтожения всех к магии причастных. Матильда спасла нескольких девочек, а ее убили – страшно убили. И с тех пор она стала доброй покровительницей для всех магов.

Для Рут же этот простенький медальон имел особое значение. Мы все здесь были сиротами, но Рут подбросили к воротам пансиона, и единственной вещью, которая была на ней, оказался этот дешевый серебряный медальон. Матушка потом исследовала его и пришла к выводу, что медальон сам по себе являлся талисманом, могущим оградить Рут от магических воздействий.

Она помолчала, затем жалко улыбнулась.

– Я думаю, тебе пригодится. А мне он здесь не нужен.

– Но его же нашли при тебе, – напомнила я шепотом, все ещё не решаясь принять подарок. Все же медальон был единственным, что связывало несчастную Рут с ее семьей. А вдруг они бы захотели ее найти?

– Но тебе ведь лишний иммунитет не помешает, – сказал подруга, – мне в этих стенах ничего не угрожает. А ты... то место, куда тебя забирает граф Уимбер, ты уверена, что оно будет безопасным?

Я хмыкнула.

– Тебе тоже все это кажется странным, да?

– Кажется, – согласилась она и вздохнула, – пусть тебя хранит Святая Матильда и то заклинание, которое было вплавлено в этот

кулон. И еще, Лора, обещай... – тут она на миг запнулась, как будто собираясь с мыслями, затем глубоко вдохнула и продолжила, – обещай, что если у тебя получится хорошо устроиться, ты заберешь меня отсюда. Ну, вдруг ты успеешь, и я ещё повидаю этот мир? Не каменные стены с пятнами плесени, как здесь. Настоящий мир. Даже море.

– Обещаю, – без промедления согласилась я, и, сжав кулон в кулаке, добавила, – клянусь святой Матильдой, Рут, что заберу тебя отсюда. Как только смогу.

Мы крепко обнялись. Мне хотелось верить в то, что я сдержу данное обещание, но... Все это только слова, а магия, хоть светлая, хоть темная, совершенно не умеет исцелять – либо же эти структуры заклинаний попросту ещё не изобретены. На самом деле я боялась, что, вернувшись в пансион, уже не застану в нем Рут.

Она порывисто отстранилась, даже оттолкнула меня. Глаза – большие и печальные глаза в пушистых ресницах – подозрительно блестели. Губы дрожали.

– Ну все, иди. Не будем больше прощаться. А я тебя дождусь, вот увидишь, только ты обо мне не забывай.

«Прощай», – подумала я.

Подхватила саквояж, ещё раз окинула взглядом серую комнатку, которая столько лет была мне домом, и пошла прочь. Граф Уимбер, говорят, очень не любил ждать – а он меня ждал, чтобы лично сопроводить до Тверлина, где я должна была встретиться с представителем герцога ле Ферн.

* * *

Меня ждали во внутреннем дворике: матушка, повариха и Лесли Уимбер. Матушка была похожа на мокрого взъерошенного воробья, жалкая и грустная, повариха – тетушка Милта – тоже стояла, уныло рассматривая носки собственных башмаков. Подозреваю, что она бы с удовольствием глядела на ладного и шикарного Уимбера, но, видимо, не решалась. Сам же граф Уимбер нетерпеливо прохаживался вдоль темно-синего, с перламутром, магикла обтекаемой формы, с узким и острым носом, с удлинённой кормой, проклепанной по периметру

яркими медными заклепками. Окна магикла были отлиты из темного стекла с золотистой искрой, что делало невозможным рассмотреть внутреннее убранство этого огромного артефакта.

Уимбер как раз стоял ко мне спиной, и я невольно замедлила шаг, рассматривая его широкую спину, гордую посадку головы. Лесли Уимбер оставлял странное впечатление: он был невозможно красивым мужчиной, каких мы здесь, в пансионе, видели только в газетах, но отчего-то внушал мне безотчетный ужас. От мысли о том, что сейчас мне придется лететь с ним, сидя в соседних креслах, во рту моментально пересохло, а по спине побежали колкие мурашки. Еще мгновение – и я бы бросилась обратно со всех ног, совершенно не думая о последствиях, но...

– Лора! – меня заметила матушка.

Она порывисто шагнула навстречу, остановилась напротив.

– Мисс Кромби, – прозвучал голос Уимбера, – а вы, однако, не расторопны... Не лучшее качество для будущей гувернантки.

– Одну минутку, ваша светлость, – вдруг оборвала его матушка, – мне нужно сказать слова напутствия моей воспитаннице.

И, схватив меня за руку, буквально оттащила в сторону. Я с удивлением и молча смотрела на нее, ожидая – и вдруг сообразила, что матушка – та самая, которая в детстве меня порола и сажала в карцер за драки с девочками, та самая, которую я привыкла побаиваться, но все-таки уважала за отсутствие любимчиков – из молодой строгой женщины как-то незаметно превратилась в женщину изрядно побитую жизнью и, кажется, напуганную.

– Лора, – сказала она быстро и тихо, – мы не всегда ладили, но никогда я не желала тебе зла. Я узнала, куда тебя увозят... Знаешь, не такой доли я бы тебе хотела, но ничего не могу сделать. В конце концов, на твоём месте могла очутиться любая из моих девочек. Будь осторожна, поменьше болтай и береги себя, вот что я могу тебе сказать. А еще... знаешь, ты всегда можешь вернуться сюда. Здесь небогато, конечно, но все мы были и будем с вами честны. В золотых лабиринтах так легко заблудиться, моя девочка!

– А куда... меня увозят?

– Замок герцога ле Ферн в аккурат на западной границе королевства, – шепотом сообщила она, – ле Ферн защищает наше королевство от Диких, не дает им хозяйничать на нашей земле. Не

самое лучшее место для юной девушки, но... Уже ничего не поделаешь.

И вздохнула.

А я лишь плечами пожала. Конечно, слышала я разное о диких племенах, и об их кровавой магии, с которой так и не смогли разобраться наши специалисты. Но если герцог ле Ферн удерживает свой замок, и если там живет его дочь, наверное, не все так ужасно?

– Не волнуйтесь, матушка, – я взяла ее за тонкую, словно птичья лапка, руку, – я постараюсь, чтоб со мной ничего не случилось.

– Уж постарайся, – вздохнула она, – ты хорошая девочка, Лора, добрая и чуткая, несмотря на то, что твоя магия темна как ночь. Доверчивая, хоть и думаешь, что это не так. Не позволяй обвести себя вокруг пальца.

И, вдруг приподнявшись на цыпочки, матушка коснулась сухими губами моего лба.

– Да благословит тебя святая Матильда.

– Спасибо, матушка.

И мне вдруг захотелось обнять эту немолодую, сухонькую и тоненькую как тростинка, рано поседевшую женщину, но она быстро и резко отстранилась.

– Тебе пора. – И отвернулась.

Я поймала на себе тяжелый, недовольный взгляд лорда Уимбера, помахала поварихе, которая тихонько промокала слезы платочком, и пошла к магиклу. Остановилась напротив Уимбера и, отважно глядя прямо в его карие глаза, сказала:

– Я готова ехать, ваша светлость.

Он с прищуром оглядел меня, буквально ощупал взглядом с головы до ног, затем кивнул каким-то своим мыслям и отворил дверь магикла.

– Тогда прошу. Вещи свои в ноги поставьте.

Прежде, чем забраться в округлое, обтянутое коричневой кожей кресло, я с любопытством заглянула внутрь. Это был первый раз, когда

меня приглашали прокатиться на настоящем магикле, раньше подобное я видела только на картинках. Я увидела овальный вырез лобового стекла, механическую панель управления, напичканную артефактами так, что даже в неработающем состоянии она светилась.

Увидела руль элегантной эллиптической формы и несколько обтянутых черной кожей рычагов. Похоже, Уимбер сам поведет? Не удержавшись, все-таки бросила последний взгляд назад, туда, где оставалось мое детство, сухари из сладких булок, которыми нас угощала Милта, много-много вечеров, проведенных у крошечного запотевшего окна, ночи, в которые мы с Рут забирались друг к другу в кровати, чтобы не слишком мерзнуть, подарки на рождество святой Матильды, мятные пряники, завернутые в хрустящую коричневую бумагу, страшилки, рассказанные шепотом, древние книги, читать которые было так сложно. Все это оставалось здесь – и, скорее всего, навсегда. А впереди меня ожидал роскошный салон магикла, пропахший новенькой кожей и дорогими духами, долгая дорога и западная граница.

– Вас ещё долго ждать? – пропыхтел за спиной Лесли Уимбер. Все-таки я его боялась, сама не зная, почему.

Но ведь он ничего дурного мне не должен сделать, нет?

И я скользнула внутрь. Уимбер захлопнул дверцу, сквозь коричневое лобовое стекло я видела, как он обошел магикл. Затем граф открыл другую дверь, уселся на место водителя, пощелкал переключателями на панели управления, отчего она засветилась десятками перемигивающих разноцветных огоньков.

– Летали раньше? – негромко, раздраженно, сквозь зубы... это мне.

– Нет, – для верности я зачем-то помотала головой, поймала

ещё один недовольный взгляд, снова подумала, что наверняка красотки падают в объятия Уимбера просто гроздьями, торопливо устала перед собой – чтобы, упаси Матильда, его светлость не подумал, что я его разглядываю.

– Пристегнитесь, – холодно обронил он, – в тоннеле, который я сейчас открою, может потряхивать.

Я торопливо пошарила сбоку, нашла мягкий ремень с крюком на конце, потом кое-как высмотрела по другую сторону кресла медную петлю.

– Ваша светлость... а долго ли лететь?

Он демонстративно достал из внутреннего кармана сюртука хронограф в серебряном, с чернением, корпусе, эффектно щелкнул крышкой.

– К пяти будем в Тверлине, там вы пересядете в магикл, который за вами прислал герцог ле Ферн, – последовал ответ.

К пяти... А сейчас около четырех. Час пути, просто невероятно!

А на лошадях, говорили, до Тверлина две недели...

Тут граф Уимбер застыл на мгновение, будто что-то вспомнил, с рассеянным видом похлопал себя по карманам, а затем извлек новенький медный медальон на крепкой медной же цепочке и повернулся ко мне.

– Послушайте, мисс Кромби. Возьмите-ка этот артефакт, наденьте и не снимайте все время, пока будете в замке Ферн.

Я механически протянула руку, ощутила на ладони приятную тяжесть и прохладу металла. Думать о том, что вот именно сейчас Леси Уимбер, гроза Теней, заставляет меня носить на шее неведомую гадость, не хотелось – но все равно думалось.

Казалось, он понял мои сомнения, натянуто улыбнулся и с деланной беспечностью махнул рукой.

– Мисс Кромби, да не смотрите на меня так. Замок Ферн – первая твердыня на пути диких племен алишс. А в тех местах сильна магия, с которой мы не умеем – да, до сих пор так и не умеем работать. Магия Крови, магия алишс, связанная с их землями... Очень легко попасть под ее влияние. Местные-то привыкли, а вы – нет. Поэтому надевайте и носите не снимая.

Звучало более, чем убедительно, и я сдалась. Неуклюже продела голову сквозь цепочку и засунула медальон под платье. Прислушалась к себе – но ничего плохого не произошло.

– Потом ещё спасибо мне скажете, – буркнул Уимбер, – как услышите Поющих...

– Поющих?

Он зло сверкнул глазами.

– Да. Разве не знаете? Они поют для тех, кто пал от магии в бою, и кровь бежит по мертвым венам, и воины снова идут в бой. А те, кто был жив, теряют волю.

Я невольно передернулась, представив перемолотые магическим плетением тела, поднимающиеся в бой, а Уимбер коротко рассмеялся

– недобро так.

– Ладно вам. Медальон носите, не снимая, и Поющие вам не страшны.

Не говоря больше ни слова, граф Уимбер резко потянул на себя по очереди все рычаги, и я замерла, уставившись в переливающийся всеми цветами радуги провал перед носом магикла. Потом меня буквально вдавило в кресло, уши противно заложило, а ещё через мгновение нас окружило мельтешащее цветное нечто. Оно было совершенно одинаковым, заглядывало цветными сполохами во все окна, и о том, что мы куда-то двигались, напоминала лишь дрожь корпуса да тихий гул.

– Как вы знаете, куда ехать, ваша светлость? – все же спросила я.

– Тоннель сам тянет магикл в нужном направлении, – помолчав,

ответил Уимбер, – мне остается лишь смотреть за управляющими артефактами и, если вдруг появится провал, вильнуть в сторону.

Его красивые руки с аккуратными полированными ногтями лежали на руле, сам же Уимбер смотрел вперед, и мне бы помолчать, но любопытство взяло верх.

– Провалы? А я читала, что тоннели совершенно безопасны.

Я думала, что Уимбер ничего не ответит, но он внезапно заговорил, все так же не глядя на меня – а исключительно сквозь толстое темное стекло.

– Вы забываете, что после вторжения Теней, вот уже более ста лет, материя нашего мира утрачивает стабильность. После того, как они построили свои города... многое изменилось, мисс Кромби, за сотню лет. Именно поэтому наш король по мере сил борется с Тенями.

– Я видела... в газете, – тихо проговорила я, – как вам удалось справиться с Тенью? Они ведь... Древние.

– Древнее нас, это точно. Но они не так неуязвимы, как об этом говорят, мисс Кромби. Сильный маг с темным спектром и с резервом приличной величины может справиться с тенью. А если к этому добавить хитрую ловушку... Они иногда попадают, да. Правда, все реже. Засели в своих городах, и не показываются. Даже нор меньше стало... Но мир все равно не стабилен, увя.

– Но как их извести, если они не выходят?

Уимбер покосился на меня. Руки все так же, на руле.

– Поверьте, мисс Кромби, лучшие умы королевства работают над

этой проблемой. Вероятно, сами Тени знают, как стабилизировать материю, но не хотят нам помогать.

– А как же... Дикие племена? Как они справляются?
Граф пожал плечами.

– Возможно, они приносят Теням жертвы. Возможно, магия крови поддерживает материю в тех краях... Возможно, появление провалов дикари попросту принимают за проявление божественного. Они совершенно чужды нашей цивилизации, мисс Кромби. У них жизнь отдельно взятой личности не значит ничего.

Я помолчала. Никогда раньше мне не приходилось задумываться, отчего в королевстве происходят те или иные события. Время от времени до нас доходили новости о свежем провале в никуда, на том месте, где побывали Тени, или шеды, как их порой называли. Порой то тут, то там вспыхивали мятежи, люди требовали извести шедов, потому что в итоге все королевство провалится непонятно куда. Король дал добро на охоту, но, понятное дело, так проблема не решится. Мне стало грустно и немного жутко. Если бы я могла хоть что-то изменить! Но я была всего лишь сиротой с магическим даром... И, кстати, о даре.

– Ваша светлость, – сказала я, – вы выбрали меня... Почему? Как я буду учить девочку, которая даже не увидит структуры моих заклинаний, а я, соответственно, не увижу ее плетений?

– В вашем распоряжении будут бумага и карандаш, – с внезапной очаровательной улыбкой ответил Уимбер.

– Но среди воспитанниц были девушки с магией нейтрального спектра, – воодушевленная полученным ответом, продолжила я, – так почему же?..

– Знаете, мисс Кромби, – голос графа вдруг сделался холодными колким, как битый лед, – не слишком ли много вопросов? Вы бы радовались, что наконец выдрались из вашего заплесневелого пансиона, наконец можете повидать хотя бы западные земли. Но нет, тысяча ненужных и бестолковых вопросов. Я же сказал, что вы подходите. Так какого чистого вам ещё надо?

Похоже, я его разозлила, и больше говорить было особо не о чем. Поэтому остаток пути мы просидели молча. Я даже глаза прикрыла, чтобы не видеть радужного мельтешения за окнами.

И также внезапно мы вылетели из тоннеля, прямехонько под полупрозрачный навес куполом, сквозь который почти беспрепятственно проходили лучи солнца. В окно я увидела несколько

изящных скамеек, на которых сидели люди, ещё пару магиклов. Но этот купол... Святая Матильда, я в жизни ничего подобного не видела!

У нас ведь в пансионе были только кирпич да дерево, а здесь...
Неужели магволокно?

– Прибыли, – прозвучал насмешливо голос Уимбера, –
пересадка, мисс Кромби.

* * *

В Тверлине светило солнце, что, впрочем, неудивительно: столица была куда южнее, чем наш пансион. Я подхватила саквояж и, стараясь нигде не зацепиться, чтобы – упаси Матильда – не поцарапать великолепные сиденья, медленно выбралась наружу. Легкий ветер приносил запахи сырости и опавших листьев, но здесь, на станции, они перемешивались с резкими ароматами новенькой кожи, земляного масла и нагретой за день гранитной облицовки двухэтажного здания поблизости. Здание это, вероятно, и было станцией, сводящей тоннели в точку нашей реальности. Мне понравились высокие окна, делающие станцию похожей на кружево, сплетенное из бордовых ниток.

Рядом со станцией, под куполом, ждали отправления другие магиклы: они напоминали цветные леденцы, яркие, блестящие, полированные. И только один из магиклов оказался аспидно-черным, с серебряными ободками вокруг темных окон, а на носу его тускло светился алый фонарь, умело вплавленный в корпус. Внутри меня екнуло, и, словно подтверждая мои подозрения и страхи, Уимбер кивнул в сторону черного магикла.

– Это за вами, мисс Кромби. Идемте, не будем заставлять людей ждать.

Я неохотно поплелась за графом, поглядывая в сторону черного магикла. Сейчас все, буквально все казалось дурным предзнаменованием, хотя Рут наверняка бы посмеялась над моими сомнениями и вспомнила один из тех зачитанных до дыр развлекательных романчиков, что мы листали по вечерам. Кажется, в одном из них молодой маг направлялся по делам службы в замок к другому темному магу, и за ним, как и положено, приехала черная-

пречерная карета с кроваво-красными фонарями, а потом они долго ехали, и возница то и дело останавливал карету, чтобы пометить в лесу те места, где могут быть спрятаны клады. В книге все закончилось прекрасно: злодей был повержен, красавица спасена, а главный герой, хоть и весьма потрепанный, остался жив. Жили они потом долго и счастливо. Хотелось бы верить, что «долго и счастливо» ждет и меня.

Да и глупые все эти детские страхи. Возможно, граф ле Ферн просто любит черные магиклы. А, возможно, он тоже читал тот роман и решил вот так пошутить.

Лесли Уимбер остановился рядом с магиклом и повернулся ко мне. Я осторожно посмотрела на гладко выбритый квадратный подбородок и смущенно опустила взгляд.

– Ну, мисс Кромби, здесь мы с вами расстанемся, – сказал он, – надеюсь, вы оправдаете оказанное вам доверие и обучите девочку всему, чему сможете.

Про себя я подумала о том, как все это будет происходить – исключительно на бумаге, при помощи карандаша. И ничего не сказала, кивнула и сделала книксен.

– Не снимайте тот медальон, что я вам дал, – напомнил Уимбер, – однажды он спасет вам жизнь.

Слова его звучали более, чем убедительно, я ещё раз кивнула.

– Благодарю, ваша светлость.

Где-то на краю зрения дверца черного магикла отворилась, словно приглашая. Мне довелось увидеть лишь мужскую руку, огромную, в перчатке из рыжей кожи.

Что ж, выходит, мне пора двигаться дальше. Я ещё раз сделала книксен и, волоча саквояж, решительно направилась к приоткрытой двери.

Внутри оказалось внезапно светло. Панели цвета топленого молока, такая же кожа на креслах, и даже потолок обит шелком в тон. Управлял этим чудом современной артефакторики мужчина средних лет и настолько экзотической внешности, что я на миг застыла, и, только поймав его недовольный взгляд, нырнула на свое место.

Полукровка! Это был определенно полукровка, смесь человека и Дикого. Я никогда в жизни не видела этих Диких, но оливковый цвет кожи с головой выдавал примесь крови племен, о которых я читала. Вот такое смугло-оливковое лицо, черные глаза, широкие брови с

изломом, с узкими выбритыми вертикальными полосами у внешних уголков, острые скулы и немного вытянутый подбородок, украшенный странной бородкой, которая была ещё и заплетена в короткую косичку. Добавить к этому перебитый нос – и получается такая занятная внешность, от которой невольно теряешь дар речи.

Впрочем, я мужественно выдержала долгий изучающий взгляд, выдавила улыбку и сказала:

– Здравствуйте. Меня зовут Лора Кромби. И я... – запнулась невольно, потому что лицо полукровки не выразило ровным счетом никаких эмоций, – я гувернантка для дочери герцога ле Ферн!

Полукровка приподнял одну бровь, все ещё рассматривая меня – не нагло, скорее внимательно и чуть насмешливо. Затем повернулся к рулю и буркнул:

– Быть тебе на Алтаре. Лучше бы тебе не ездить в замок Ферн.

– Простите? – я оторопела. Не хватало ещё мрачных предсказаний, видений будущего и прочей ерунды.

Все же я была воспитана в хорошем пансионе, где всем воспитанницам прививали понимание верной картины мира. И не было там места ни предсказаниям, ни проклятиям. Только чистые причинно-следственные связи, только конструктивная магия всех оттенков серого.

Полукровка хмыкнул, покачал головой.

– Меня зовут Сарро, мисс. Я отвезу вас в замок...
И мне показалось, что он тихо вздохнул.

Между тем мощные руки-лопаты пощелкали переключателями, дернули рычаги и легли на руль. Перед нами снова открывался пестрящий радугами тоннель, и смотреть на него было неприятно даже сквозь затемненное стекло. Как интересно! Если этот Сарро открывал тоннель, то, выходит, он – тоже сильный маг? Ведь только маги с большим резервом способны создавать пространственные тоннели с привязкой к месту прибытия!

Но Сарро, словно услышав мои мысли, негромко пояснил:

– Тоннель создает герцог ле Ферн. Я лишь управляю и слежу, чтоб не соскользнуть, куда не надо.

Все стало на свои места. Но смотреть вперед, в скопление мельтешащих разноцветных клубков, было по-прежнему неприятно, и я с некоторой опаской, но все-таки посмотрела на водителя.

– Поболтать хотите? – просто спросил он.

– Честно говоря, была бы рада, – пробормотала я и принялась судорожно подыскивать тему для беседы.

– Вам любопытно, что это за место, куда мы едем, – не спрашивая, утверждая, произнес мужчина.

– Любопытно. Но откуда вы знаете?
Он отвлекся от созерцания руля.

– Так ведь о чем ещё может хотеть услышать воспитанница пансиона? Было бы странно, если б вам не хотелось послушать про замок Ферн и прилегающие земли.

Я кивнула, соглашаясь, и добавила:

– Мне сказали, что замок – последняя королевская крепость на пути
Диких... простите.

– Ничего, – беззаботно ответил Сарро, – я понимаю, что именно вас смутило. Но я родился и вырос в замке, так что совершенно спокойно отношусь к тому, что люди думают о племенах. К тому же, они в самом деле совершенно дикие. Они кочуют по степи. Они не сеют хлеб, живут исключительно тем, что отобрали у более слабых. Уводят в рабство крестьян. Я как-то думал, что они изготавливают золотые украшения, которыми увешаны их вожди – но нет, даже золото они просто выменивают на рабов где-то ещё западнее. Он помолчал, задумавшись, и я ждала, затаив дыхание. Речь

Сарро завораживала: говорил он как вполне образованный человек. Только вот сложно представить такого, как Сарро, где-нибудь в академии Тверлина! Выходит, герцог его учил?

– Ле Ферн – маг с даром темного спектра, – тем временем продолжил Сарро, – и, насколько я могу в этом разобраться, с бездонным просто резервом. Говорят, когда король подарил ему земли на западе вместе с замком, там царили нищета и запустение. А когда сестра герцога умерла, знаете, он дал клятву, что сделает Ферн лучшим местом в королевстве.

– И ему это удалось? – невольно пробормотала я.

– Увидите, как прилетим, – с довольно улыбкой сообщил Сарро. – Недавно герцога посещал сам король, когда объезжал земли своих подданных. И, сдается мне, его величество был неприятно удивлен увиденным.

– Так отчего же неприятно? Если, как вы говорите, герцог поклялся сделать свои земли лучшими?

Сарро пожал широченными плечами.

– Так ведь зависть, мисс Кромби. Обыкновенная человеческая зависть. Когда его величество проходил мимо фонтанов с золотыми рыбками, его аж перекосило. И это было просто невозможно не заметить.

– Фонтаны? – невольно переспросила я. Как-то не вязалось это с форпостом на пути диких племен.

Сарро с лукавой улыбкой покосился на меня.

– И не только фонтаны. Еще воздушный сад, хрустальные часы. Между прочим, горячая вода в замке и магические светильники не только в замке, но и в городе Ферн.

– Это же прорва магии нужна, чтоб такое содержать! – вырвалось у меня, и я поспешно сжала губы. – Простите за мою чрезмерную эмоциональность, но я... Я приблизительно могу подсчитать, сколько магатт уходит на все это великолепие.

Сарро вновь улыбнулся, и я подумала, что у него очень хитрая и умная улыбка. Нам говорили, что Дикие никогда не достигнут развития нашей цивилизации, а тут... правда, Сарро – полукровка. Возможно, свои лучшие способности он почерпнул от своего родителя, который был человеком.

– Значит, у Оттона ле Ферн громадный и быстро пополняемый резерв, – сказал он.

Я не ответила. В голове вертелись цифры, которыми нас изрядно мучили в пансионе святой Матильды. Отопление замка – триста магатт в час. Один светильник – пятьдесят магатт, а он ведь не один. А у меня резерв десять тысяч магатт, и резерв этот считается весьма приличным, куда больше магесс, чей резерв уместается в пять тысяч. По всему выходило, что Оттон ле Ферн – едва ли не самый выдающийся маг из всех, когда-либо живших в Атрании, и если бы это было так, матушка непременно бы рассказала о нем. Но она не рассказала.

В задумчивости я уставилась на лобовое стекло магикла – как раз в тот миг, когда тоннель раскрылся, словно цветок, и мы вынырнули обратно в нашу реальность, и утонули в ярком свете заходящего солнца... И вокруг ничего, кроме неба.

– Прибыли, – спокойно сообщил Сарро, – не удивляйтесь ничему, мисс. Сейчас мы выйдем на площадку, которую его светлость соорудил специально для личных магиклов. Здесь же и выходы из тоннелей закреплены, – «сто магатт в час», пискнуло в моей голове, – отсюда к утесу, на котором стоит замок, перекинут мост. Вот по нему и пойдём. Сдается мне, вы ничего подобного не видели.

– Конечно, не видела, – согласилась я, – пансион святой Матильды – это не то место, откуда воспитанниц вывозят на экскурсии по королевству.

– Значит, вы должны быть счастливы, что наконец вырвались из пансиона, – заключил он.

– Наверное, – и я несмело улыбнулась в ответ.

Я не привыкла, я не знала, как это – просто улыбаться малознакомому мужчине. Но ведь Сарро...Ему, наверное, можно?

– Берегите себя, – вдруг сказал он совсем тихо, – не лезьте туда, куда не следует, и все обойдется.

И, не успела я осознать, что только что услышала, Сарро быстро распахнул дверь магикла и ловко выскользнул наружу. Затем так же быстро открыл и мою дверь, протянул руку.

– Давайте багаж, мисс.

Я безмолвно отдала ему саквояж, а затем и сама выбралась наружу.

Вжух! В лицо ударил порыв холодного ветра, растрепал волосы, подхватил полы плаща. Сердце замерло, когда я огляделась: магикл стоял на небольшом каменном пятчке, и земля была так далеко, что голова закружилась, и я обязательно бы упала, не удержи меня Сарро за локоть.

– Ну, что ж вы, – пробормотал он, – смотрите лучше на замок
и на мост.

Площадка, на которой мы оказались, была рассчитана в лучшем случае на два магикла, не больше десяти шагов в поперечнике. Скорее всего, под площадкой было что-то вроде каменного стебля, или очень узкого утеса, который ещё и обточили со всех сторон, создавалось впечатление, что она парит в воздухе, на ветру. А дальше начинался добротный подвесной мост, он соединял площадку и утес, на котором возвышался замок Ферн. Это было удачное место для того, чтобы защищать королевство от Диких Племен: с одной стороны утес плавно

сходил на нет, и этот пологий склон был утыкан домами, разлинован кривыми улочками и дорогами. С обрывистой стороны утес вдавался в море пожелтевшей уже травы, безбрежное, до самого горизонта. Солнце садилось на востоке, и тень замка, длинная, корявая, тянулась далеко по равнине. Мне эта тень показалась чуточку зловещей – как тень от когтистой лапы, загибающей чужие жизни. А вот замок – о, замок буквально источал жизнерадостность. Он был новеньким, из светлого камня, изящным, как будто созданным из каменного кружева. Нарядная игрушка, не крепость.

– Не верится, что этот замок может сдерживать алишс, – поделилась я с Сарро. Конечно, могла бы и промолчать, но все-таки иногда хочется послушать и ещё чье-то мнение.

Полукровка как раз решительно ступил на мост.

– Не отставайте, мисс. А замок... Я ж говорил, что его светлость поклялся сделать это место лучшим...

– Я не понимаю, как все это может служить крепостью.

– Так ведь... Барьер Погибели.

Он назвал это заклинание, а у меня в голове снова щелкнуло:

«тысяча магатт в час».

Да откуда, побери меня чистый, у герцога такой резерв? И откуда он восстанавливается?

Больше я не задавала вопросов, спокойно шагала вслед за Сарро, глядя в его широкую спину, затянутую в темно-серое сукно добротного сюртука, отмечая про себя мелкие детали: волосы у Сарро были выбриты на висках, а по спине змеилась тонкая косичка, украшенная синими стеклянными бусинками, и ещё он как будто слегка прихрамывал, но было неясно, то ли это хромота, то ли просто походка такая, то ли мост покачивается.

В голове моей крутилось, вертелось много вопросов. Будет недурственно, если я найду на них ответы, но... осторожно. Чтобы в самом деле не оказаться на алтаре, или как там Сарро сказал. Впрочем, чему я верю? Я же образованная магесса с даром темного спектра. А образованные магессы не верят во всякую чепуху, они верят в точный расчет затрат резерва, равновесие сил и красоту магических плетений.

Мост уперся в калитку в замковой стене, которую Сарро быстро отпер ключом, добытым из кармана.

– Прошу вас, мисс Кромби.

Я прошла в гостеприимно распахнутую дверь и оказалась в ухоженном саду со старыми фруктовыми деревьями. Поскольку стояла осень, среди поблекшей листвы краснели и желтели яблоки.

– Это и есть воздушный сад?

Сарро запер калитку и остановился рядом.

– Это? Нет же, мисс. Воздушный сад – он парит в воздухе. А это просто сад. Следуйте за мной.

Еще некоторое время мы просто шли по аккуратной дорожке, отсыпанной розоватыми камешками, и как-то незаметно подошли к черному ходу главного здания. Тут я невольно задержалась, любясь уносящимся ввысь каменным кружевом. Кое-где каменная резьба была столь совершенной, что было сложно представить, чтобы это было делом рук людей.

– Идемте, – снова напомнил Сарро.

Потом был лабиринт коридоров, лестницы. Мы поднялись, по моим подсчетам, на третий этаж. И всюду – высокие арочные окна, много света, много воздуха, звездчатые своды. Огромные гобелены на стенах, перемежающиеся резьбой и деревянными панелями. Даже страшно представить сколько все это стоит... Немудрено, что король позавидовал своему вассалу. Наконец мы остановились перед дверью, которая, судя по всему, вела в кабинет герцога.

– Подождите, – сказал мой провожатый, – сейчас герцог примет вас.

И, поставив на пол мой саквояж, приоткрыл дверь и вошел, да так быстро, что я не успела заглянуть. Впрочем, матушка всегда говорила, что любопытство есть порок, так что я попыталась сосредоточиться на том, как буду представляться герцогу ле Ферн. Но Сарро не дал мне додумать, он вышел из кабинета, выскользнул рыбкой.

– Герцог не может вас сейчас принять, – услышала я.

– Но...

– Я отведу вас в главный холл, – сказал Сарро, – возможно, там вы встретите свою подопечную и познакомитесь.

– А мои вещи?

– А вещи я распоряжусь отнести в вашу комнату.

– Но герцог... Когда я смогу его увидеть?

– Полагаю, он вас вызовет.

Я пожала плечами. Ну, что ж... Похоже, не самое удачное начало моей работы в замке Ферн, но кто знает, возможно, дальше будет лучше?

И я покорно пошла за Сарро. Мы снова преодолели некоторое количество галерей, коридоров и лестниц, затем я очутилась в огромном холле. Вокруг были резные арки, а в окнах – витражи, сквозь которые струился солнечный свет и падал на каменные плиты. Интересное создавалось впечатление: плиты были из белого мрамора, а стеклышки витражей – всех оттенков алого. Результат очень напоминал брызги крови на полу. Странное ощущение.

Тем не менее, в дальнем конце холла, в оконном проеме, сидела девочка. Пятнышки кроваво-красного света ложились и на ее светлое платье, но странное дело – если на полу это были кровавые брызги, то на платье алые отсветы легли россыпью гранатов и рубинов.

Завидев нас, девочка спрыгнула на пол и поспешила навстречу.

– Это Солья ле Ферн, – пояснил мне Сарро, – что ж, знакомьтесь. А я распоряжусь насчет ваших вещей и ужина.

Я посмотрела на дочь герцога. Она казалась совершенно воздушным, невесомым созданием, с фарфорово-бледной кожей и темно-русыми, с холодным отливом, волосами. Глаза у нее были на пол-лица, в кукольных ресницах, и очень необычные: еще никогда я не видела такого густого сине-фиолетового оттенка. А все остальное

острое – кончик носа, подбородок и даже, как мне показалось, уши. Впрочем, они были спрятаны под пышными локонами, так что, наверное, померещилось. Руки у девочки тоже были тоненькими, ключицы как у птички. Но, будучи худенькой, она не казалась больной, и это радовало. Я вспомнила Рут. Надо будет написать ей, спрошу потом у Сарро, как отправить письмо в пансион.

Солья ле Ферн остановилась, рассматривая меня со сдержанным любопытством.

Затем, словно ей что-то не понравилось, она хмыкнула и резко отвернулась.

Определенно, не лучшее начало работы в замке Ферн.

– Здравствуй, – осторожно сказала я, – меня зовут Лора Кромби. Твой отец нанимает меня, чтобы я обучила тебя магии. Я буду твоей гувернанткой. Наверняка тебе говорили, так ведь?

Она медленно повернулась ко мне, сцепив руки за спиной, а затем, глядя с какой-то отчаянной яростью, процедила:

– Очень приятно. Я – Солья. И... он мне не отец, хоть и всем об этом рассказывает.

Глава 2. Таинственный гость

Комнату мне выделили королевскую. В пансионе святой Матильды я и представить не могла, что можно жить так: спать на широкой и мягкой кровати, поутру приводить себя в порядок, сидя на бархатном пуфике перед туалетным столиком, над которым прекрасной раковиной раскрывалось невероятное, трехстворчатое зеркало, такое чистое, что в нем видно самую маленькую родинку. Мыться не в медном тазике, стоя на полусгнивших деревянных досках в купальне, а наслаждаться теплой водой, лежа в большой фарфоровой ванне. И, кстати, не бежать в туалет, который в самом конце коридора, а всего лишь пройти сквозь оббитую нежно-коричневой кожей дверь.

Кроме этого, в комнате, у окна, стоял стол, и рядом – пара стульев, из темного дерева, но с мягкими подушками на сиденьях, а все место у стены занял платяной шкаф до потолка. Рядом с широким арочным окном я обнаружила ещё одну дверь и, как выяснилось, она вела на небольшой полукруглый балкон с видом на тот самый воздушный сад. Теперь я не сомневалась, что то, что я увидела, было именно воздушным садом: да и сложно ошибиться, когда на уровне третьего этажа на перламутрово поблескивающих тарелках, каждая в диаметре шагов по пять, плавают кусты цветущих роз, при этом перемещаясь так, чтобы, останавливаясь, каждый раз создавать новый симметричный узор. Мысленно я снова прикинула магатты, уходящие каждый час на поддержание хотя бы этой роскоши и красоты, затем подумала, что, в самом деле, к чему столь великому магу, как герцог

Ферн, встречаться с такой никудышной ведьмой, как я? Правда, вставал другой вопрос: зачем ему вообще понадобилась гувернантка, он мог бы обучить девочку и сам. Ну, разве что, их спектры магии слишком отличаются. Или герцог просто не хочет возиться с детьми. На всякий случай, все еще стоя на балконе, я потянулась сознанием к тому заклинанию, которое поддерживало сад, и тут же получила осязаемый щелчок по носу. Герцог явно не хотел, чтобы каждый встречный разбирался в его сложных плетениях. Ну и ладно.

Вернувшись в комнату, я принялась разбирать саквояж, который был принесен молчаливым парнем моих лет и сиротливо стоял у

двери. С усмешкой я разложила свои очень немногочисленные вещи по полкам, а сменное платье повесила на деревянные плечики. Все мои пожитки не заняли и десятой части шкафа. Но, возможно, если я буду получать здесь жалованье... я ведь буду его получать, да? Тогда, быть может, я куплю себе новое платье, о котором мечтала уже не меньше года. Платье моей мечты я увидела на одной высокопоставленной чиновнице, которая приезжала в пансион с инспекцией: оно было приятнейшего глубокого зеленого цвета, теплого оттенка, и пошито из тафты с искрой. Чиновнице оно не очень-то было к лицу, а вот к моим зеленым глазам и ярко-рыжим волосам очень даже пошло бы.

Я вздохнула и села на край кровати.

Мечтать, несомненно, хорошо. Только вот... Не случится ли так, что после того, как Солья развернулась и убежала, герцог отошлет меня обратно?

Я механически нащупала медный медальон, что дал мне граф Уимбер. Он был теплым – то ли нагрелся от тела, то ли в нем происходили какие-то магические цепные реакции, о которых я не догадывалась. Снять бы его да выбросить подальше... с другой стороны, у Лесли Уимбера не было повода желать мне дурного. Рядом с медным медальоном на тонкой цепочке висел медальон, подаренный Рут, и он-то был прохладным. Всегда прохладным. Мысли закрутились вокруг того, что надо бы попросить бумаги и написать письмо моей несчастной подруге.

Я ещё немного побродила по отведенным мне апартаментам. Здесь всюду были магические светильники, никаких вам подсвечников с оплывшими свечами: только гроздь прозрачных кристаллов, развешанных по стенам. Вот ведь вопрос: неужели герцог замкнул на себя весь замок и питает его? Я снова наивно потянулась к тем заклинаниям, что – как я чувствовала – паутиной связывали все светильники и уходили куда-то сквозь стены. На сей раз щелчка по носу не последовало, но я наткнулась на непрошибаемую защитную стену. Хм. Цвет магии герцога, вне всякого сомнения, был темным, еще более темным, чем мой собственный. Но... я могла видеть его плетения, если смотреть особенно пристально.

Не это ли явилось причиной того, что Лесли Уимбер выбрал

меня? Но зачем? Следить за герцогом? Но почему он тогда ничего мне не сказал об этом?

Я отмахнулась от этой мысли, как от надоедливой мухи. Ерунда
все это. Просто прихоть Уимбера.

Мне с новой силой захотелось тут же сесть и написать письмо
Рут, поделиться с ней всем, что я здесь встретила. Однако, у меня не
было ни бумаги, ни чернил, ни
вообще возможности что-либо
отправить из замка.

И тут в дверь постучались.

Я подбежала и, не спрашивая, открыла: на пороге застыл все тот
же молчаливый парень, что нес мой саквояж. Он равнодушно глянул
на меня из-под соломенной челки,
падающей на глаза, и сказал:

– Мисс, вас зовет его светлость. Я проведу вас в кабинет.

Я прикрыла за собой дверь и, надеясь, что меня отведут и
обратно, послушно пошла следом, с трудом принаравливаясь к
размашистому шагу моего провожатого.

– Как вас зовут? – решила я, когда мы миновали очередную
гостиную с потолком, расписанным
букетиками фиалок.

– Стрей, – неохотно ответил парень.

– Мистер Стрей, очень приятно. А я – Лора Кромби.

– Не мистер Стрей. Просто Стрей. У меня нет фамилии, мой отец
здесь на конюшне, а меня пристроил, чтоб я на посылках был у его
светлости.

Я немного удивилась такой откровенности, но, с другой стороны,
это даже хорошо, что Стрей не чувствует во мне высокородную
госпожу. Гувернантка – не госпожа. Да и фамилия Кромби не
обладает очаровательной аристократичной приставкой «ле».

– Какой он, герцог? – не удержалась я, – знаете, я немного
волнуюсь.

Стрей беззаботно махнул рукой.

– Да нормальный он, мисс. Только злить его не нужно, потому
что тогда он себя теряет. Бешеный делается. Давеча Кирта отлупил так,
что тот уже неделю лежит.

– Ох, – я невольно стиснула руки. Выходит, его светлость имеет
буйный и горячий нрав, и ему лучше не попадаться под тяжелую

руку. – А что такого этот Кирт натворил?

– Да так... это местное, – в голосе Стрея буквально захрустел ледок, – поживете здесь, быстро сообразите, что можно, а что нельзя.

Солья ле Ферн, конечно, та еще заноза, но она вовсе не так плоха, как может показаться.

– Она со мной и разговаривать не пожелала, – пожаловалась я, – как я с ней буду заниматься?

– Думаю, герцог ей скажет пару слов, и будет она как шелковая, – ответил Стрей и умолк.

Тем временем мы как раз добрались до знакомой мне уже двери. Стрей постучался, и я услышала приглушенный деревом мужской голос:

– Входите!

..В кабинете, конечно же, был герцог Оттон ле Ферн. Посреди просторного и светлого помещения он приковывал к себе все внимание и словно заполнял собой все свободное пространство. Герцог был ярко-рыжим, как и я, очень коротко стриженным и с короткой щегольской бородкой. Коричневые прямые брови, крупный нос с горбинкой, четко очерченный рот. И непроницаемо-черные глаза.

Манера герцога одеваться прозрачно намекала на то, что плевать он хотел на всех окружающих, да и на меня в том числе: кроме свободной, распахнутой на груди сорочки и черных мягких шаровар, на нем ничего не было, а у меня к щекам прилила кровь: созерцание полуобнаженной мужской груди почти до самого пояса, густо поросшей рыжими завитками волос, в мои планы не входило. Впрочем, уж с собой можно было не лукавить: ле Ферн был сложен отлично и, хоть и казался старше меня раза в два, ему нельзя было отказать в привлекательности.

Я торопливо опустила взгляд и сделала заученный книксен.

– Мисс Кромби, – не вопрос, утверждение. Я кивнула.

– Она самая, ваша светлость.

– Поднимите голову, – приказал он.

Я послушалась. Ле Ферн, ступая мягко, как барс, приблизился – оказалось, я едва достаю ему до плеча. Мой взгляд снова уперся в мускулистую грудь герцога, и я снова безнадежно покраснела. Невольно пустила голову, но он вцепился пальцами в мой подбородок, заставляя задрать голову – и я встретилась с его светлостью взглядом.

Кажется, я перестала дышать. Почему мне сделалось так страшно? Внутри появилось желание резко вырваться из его хватки,

убежать прочь из замка, вернуться в пансион... Но я замерла, боясь лишний раз шелохнуться, боясь лишний раз вздохнуть. Ле Ферн рассматривал мое лицо с надменной улыбкой, а я, потянув в себя воздух, внезапно сообразила, что... Что пахнет от него странно. Такой запах... на кухне... когда повариха рубит свиную печень. Пахло от ле Ферна кровью, легкий такой отголосок, но вполне ощутимый. Колени задрожали. Нет-нет, надо бежать отсюда! И чем скорее, тем лучше... А он все смотрел, смотрел, и я видела глубокие морщинки в углах глаз, старый шрам, убегающий со щеки под рыжую бородку, и ещё один, бровь когда-то была рассечена... Я вдохнула еще раз, но теперь запах крови был совсем слабым, едва заметным. Так что, возможно, я и ошиблась.

Внезапно он рассмеялся, покрутил мое лицо, как будто я была шарнирная кукла, а не человек.

– Хорошенькая! – таков был вердикт, – а то я все боялся, что
Лесли мне пришлет какую-нибудь
уродину, сухую, как доска.

Наконец оказавшись на свободе, я попятилась.

Не знала, что и думать, в голове – сумбур, ни одной здоровой мысли. Я не привыкла, чтобы со мной обращались так. Не привыкла...

– Мисс Кромби, – сказал Оттон ле Ферн, – будет вам, не обижайтесь. Примите, что я такой, какой есть. Просто я хозяин всего, что в этом замке и вокруг. И я привык, знаете, что все здесь – мое.

– Но я не ваша собственность, – выдохнула я, – когда граф Уимбер...

– Перестаньте, – оборвал он, – конечно же, вы не моя собственность. Пока что. Присядьте-ка... Да, извините, если я задел чем-то ваши чувства... Но, как я говорил, лучше бы вам принять меня таким, каков я есть, и тогда ваше пребывание в замке Ферн будет лучшим временем в вашей жизни.

Я огляделась, увидела стул – рядом с большим письменным столом – и, кое-как добравшись до него на подгибающихся ногах, села. Герцог хмыкнул. Я чувствовала, как пристально он меня разглядывает, его взгляд почти скользил по коже, обжигая, заставляя ежиться. Такое было чувство, что он меня рассматривает... перед тем, как сожрать.

«Он – самый сильный маг из всех, кого я знала», – повторила про себя.

Возможно, все эти ощущения, весь этот страх именно оттого, что

магии
ведьм хватит.

В нем столько, что на сотню

Между тем герцог и сам занял место за письменным столом, положил перед собой руки. Кисти у него были широкие, пальцы короткие и крепкие. И манжета сорочки... Тут у меня на миг поплыло перед глазами. Чистый! Я не могла ошибиться, не могла... На белоснежной манжете темнело несколько подсыхающих капель крови. Я моргнула. Проглотила горькую слюну и устала на лицо герцога, лишь бы только не смотреть на пятнышки.

– Итак, рассказывайте, – он с усмешкой смотрел на меня.

– Что? – жалко мякнула я.

– О себе рассказывайте. Лесли мне все уши прожужжал, что дочке надо гувернантку. Мол, в компании служанок ничего хорошего из нее не вырастет. Я терпеть не могу гувернанток, у меня была такая. Противная старая тетка, которая меня била по рукам линейкой. А Лесли говорил, мол, надо выписать гувернантку из какого-нибудь нищего приюта, да чтоб была ведьмой. Вы видели мою дочь? У нее магия темного спектра, как у меня, но немного светлее. И я не могу ее учить...

«Я тоже не могу», – едва не ляпнула я, но вовремя прикусила язык.

Я ее научу, как-нибудь да научу. Потому что, скажи я сейчас, что не гожусь в гувернантки, что со мной будет? Хороший вопрос.

– Я сказал Уимберу – ну вот и найди. Впрочем, я доволен. Я очень доволен тем, что он не прислал мне какую-нибудь засохшую рыбину, а вполне сочную девицу. Я люблю вещи, на которые приятно смотреть, – наконец заключил он.

Я тоже любила красивые вещи, и в этом, пожалуй, мы были схожи. Только вот люди... они не вещи, так ведь?

– Так я дождусь? – спросил он.

– Чего, ваша светлость?

– Рассказа о себе, мисс Кромби.
Я пожала плечами.

– Так ведь... нечего и рассказывать. Его светлость Уимбер наверняка может предоставить вам куда более полную информацию. Он ведь ознакомился с моим делом ещё в пансионе. А сама я о себе

мало что знаю. И о том, кто мои родители, тоже ничего толком не расскажу.

Он развалился на стуле, закинул руки за голову, совершенно не

смущаясь распахнутой сорочки.

– Расскажите о том, чему вы можете обучить мою дочь.

– Хорошо, – сказала я.

И начала пересказывать все то, что знала.

О построениях структур создающих и разрушающих, о материализации заклинаний, о базовых свойствах темного спектра...

– Все, довольно, довольно! – герцог резко прервал меня, – вижу, что Лесли выбирал, как для себя... Мда...

Он на минуту задумался, затем глянул так пристально, что я вздрогнула.

– Чтоб никаких мужиков, пока вы приставлены к Солье.

Понятно?

– Разумеется, ваша светлость.

– Увижу или узнаю что-нибудь – вышвырну. А воздыхателю
вашему яйца оторву.

Кровь мгновенно прилила к щекам, и я уставилась на столешницу. Похоже, для герцога здесь все люди – не более, чем вещи. А еще он отвратительно воспитан. Грубиян.

– У меня к вам просьба, ваша светлость, – все-таки осмелилась я.

– Говорите.

– В пансионе у меня осталась подруга. Мне бы хотелось иногда ей писать.

Он пожал плечами.

– Пишите, сколько вам угодно, мисс Кромби. А написанное
приносите лично мне. Я буду отправлять.

«Значит ли это, что вы будете читать все, что я напишу?» – вертелось на языке, но я промолчала.

Похоже, герцогу ле Ферн лучше не говорить лишнего. Да и на глаза лучше не попадаться. Мало ли что.

– А если... если я захочу уехать отсюда? – тихо спросила я, – вдруг Солье не понравится то, как я преподаю?

– Ерунда, – добродушно заверил герцог, – вы уедете отсюда только в том случае, если я так решу. До той поры вы будете обучать

мою дочь магии.

Вот и все. Похоже, клетка захлопнулась.

Я на миг прикрыла глаза. Беседа с Оттоном ле Ферн измотала так, словно я собственноручно грузила кирпичи. И ведь только поговорили!

– Да, и еще, – вдруг сказал он тихо и оттого прозвучало это как-то зловеще, – не суйте свой прелестный носик туда, где заперто. Это понятно?

– Понятно, – просипела я, чувствуя, что язык сделался сухим, как будто присыпанным песком.

– Ну вот. Теперь можете идти, – соблаговолит он меня отпустить, – да, совсем забыл, вы будете работать за стол, кров и двенадцать золотых соверенов в год. Надеюсь, этого будет довольно?

Довольно? Он предлагал мне раза в два больше, чем я вообще могла рассчитывать. За три года работы я могла бы скопить денег на небольшой домик где-нибудь в пригороде Тверлина, а за пять – ещё и сумму, которую бы положила в банк.

Я выдавила из себя улыбку и поднялась.

– Спасибо, ваша светлость.

– Ну, так-то лучше. Терпеть не могу насупленных девиц. Идите, мисс Кромби. Встретимся за ужином, я хочу посмотреть, как вы будете прививать Солье те манеры, которые просто необходимы будущей герцогине.

* * *

Едва очутившись вне герцогского кабинета, я обессилено прислонилась спиной к стене и замерла, переводя дыхание. Меня просто трясло, и сорочка на спине промокла от холодного пота. Удивительно просто, в какой ловушке я оказалась благодаря его светлости графу Уимберу! Оттон ле Ферн, конечно, ничего дурного мне пока не сделал, но... Считаю, четко обозначил, что сидеть мне здесь до тех пор, пока его светлости не надоест. Вопрос в том, что он собирается делать со мной дальше? Вспомнив жесткие пальцы герцога на своем подбородке, то, как он вертел мою голову из стороны в сторону, удовлетворяя свое любопытство, я передернулась. Надо же,

каков грубиян! А ещё говорят, что все эти герцоги отменно воспитаны...
А кровь на манжете?

Может, он здесь прислугу избивает?
Иначе, что все это может означать? И его слова, мол, не суйтесь куда не положено?

Опомнившись, я отлепилась от стены и медленно пошла прочь, сама не зная куда, но лишь бы не торчать под дверьми. Кто знает, вдруг ли Ферну захочется выйти из кабинета, а тут я стою. Во всем теле разлилась слабость, отчаянно хотелось присесть куда-нибудь, но ничего вокруг не было, ни скамьи, ни стула. В какой-то миг я сообразила, что все-таки заблудилась и понятия не имею, как добраться до отведенных мне апартаментов, а вокруг было так тихо и безлюдно, что, казалось, замок вымер – или уснул вековым сном.

Нет, я не испугалась: все-таки здесь есть живые люди, кого-нибудь да встречу, да и вокруг по – прежнему было светло, нарядно. Как-то нас возили из пансиона в ближайший город, и там даже позволили пройтись по лавкам, разумеется, под бдительным присмотром матушки, которая всегда была рачительной женщиной и не допускала пустых расходов. Однако, так получилось, что мы с Рут забрели в лавку местного игрушечного мастера, и там я и увидела это чудо: кукольный замок. Он был ростом с меня, и так старательно выпилен из фанеры, раскрашен и украшен, что невольно возникало впечатление о том, что замок этот – самый настоящий. Заглядывая в окна, можно было видеть комнаты, оклеенные настоящими обоями, маленькие стульчики, столы, кушетки и пуфики, темно-вишневые, бархатные. В полном восторге мы ходили вокруг, рассматривая это чудо, а когда добрались до самых нижних комнат, нашли в одной из них маленькую фарфоровую куколку со свернутой набок головой и отбитыми руками. Мне эта несчастная куколка потом долго снилась, мне казалось, что я должна была тогда выпросить ее у лавочника, принести в пансион и починить, как получится: сделать из ткани руки, приклеить к шее дощечку. Но тогда я оставила все, как есть, и мы ушли из лавки в странно подавленном настроении, хотя казалось бы – мало ли поломанных кукол бывает?

Замок Ферн был прекрасен, еще лучше всех кукольных замков вместе взятых – уже хотя бы потому, что был настоящим, но при этом меня не оставляло странное ощущение, что здесь что-то не так, и что рано или поздно я наткнусь на куда большую гадость, чем та

изломанная куколка. Вопрос только в том, когда? Святая Матильда, сделай так, чтобы это случилось как можно позже, чтобы я, по крайней мере, уже к тому моменту хорошо знала замок и понимала, в какую сторону бежать.

Тем временем, поблуждав ещё немного, я оказалась в небольшой гостиной, обставленной мило и со вкусом, откуда двери вели в следующие комнаты. Здесь было так же светло, свет заходящего солнца искрился на шелковых обоях с позолотой, розоватыми бликами ложился на лакированную мебель – на высокий шкаф, на стол на толстых изогнутых ножках. По углам здесь стояли большие напольные вазы, расписанные синими хвостатыми карпами, а по стенам висели

небольшие картины в резных рамах. Я осмотрелась, пришла к выводу, что таким образом можно было бы отделать комнаты для женщины. Стало любопытно, кто это: жена, любовница? И, поскольку вокруг по-прежнему не было ни души, а двери, ведущие в следующее помещение, были гостеприимно распахнуты, я на цыпочках шагнула вперед.

Следующая комната оказалась заставлена книжными шкафами. У окна стоял мольберт с закрепленным чистым листом шершавой акварельной бумаги, и тут же, на полу, валялся скомканный лист, как будто художнику не понравилось то, что было нарисовано. Я присела на корточки, подняла его и разгладила. Некрасиво это, конечно же, но меня никто и никогда не учил рисовать – а я мечтала запечатлеть то осеннюю бурю под хмурым небом, когда тучи на миг расходятся и серый день оказывается пронизан золотой колонной света, то разросшийся розовый куст, так оплетший старую беседку, что туда и войти было невозможно. Рисовать мне всегда очень хотелось, но, сколько бы ни пробовала, без знания должных приемов получалось очень неважно. По этой причине вот такое выбрасыванье рисунков казалось мне покушением на самое святое, как будто бы меня саму измяли и бросили – и именно поэтому, изнывая от жалости к загубленной красоте, я и подняла выброшенный черновик, быстро разгладила его на коленке.

Что ж, это был мужской портрет.

Был он выполнен углем, не очень умело ещё – но я бы и так не смогла.

И с листа бумаги на меня глядел вовсе не Оттон ле Ферн.

Лицо поражало правильностью черт. Я бы сказала, у людей не бывает таких лиц, они бывают только у святых, наверное, да и то не при жизни, а когда возносятся они на небеса, чтоб оттуда помогать оставшимся здесь. Нарисованный мужчина был молод, спутанные длинные пряди волос падали на широкий лоб и частично закрывали глаза. Последние получились лучше всего, непривычной миндалевидной формы, слегка приподнятые к вискам, отчего они напоминали кошачьи. Но дело было в их выражении. Каким-то чудом неведомый мне художник смог вложить в глаза жизнь. И отчаяние. И горе. Глаза будто заглядывали мне в душу и, казалось, ещё чуть-чуть, и я услышу шепот неизвестного мужчины.

Ощущения были столь сильны, что я торопливо отложила рисунок на окно, поправила подол платья. Наверное, это сказывались события последних дней: мое отбытие в Ферн, беседа с Сарро, с самим герцогом, но мне продолжало казаться, что даже из оконного проема те глаза следят за мной, пристально, с отчаянием. Я решительно шагнула вперед – и замерла. Где-то впереди, в следующих комнатах, были люди.

Я расслышала тонкий девичий голосок, звонкий, словно хрустальный колокольчик. Невидимая девочка что-то торопливо

говорила, говорила... И ей отвечал голос мужской. Я не разобрала, о чем шла речь, но мужской голос показался донельзя приятным, мелодичным. Казалось, они спорили, горячо спорили: девичий голосок набирал высоту – и тут же резко падал до шепота, мужчина же отвечал совершенно спокойно.

Я решительно двинулась вперед: в конце концов, у кого-то ведь нужно было спросить дорогу к моей комнате? Ну, или хотя бы туда, где я могу найти прислугу?

Миновав ещё одну комнату, я наконец расслышала, о чем говорили.

– Почему ты заставляешь меня это терпеть и сам терпишь? – жарко и зло спросил девичий голосок, – я могла бы... могла бы его убить. Он мне доверяет.

– Потому что тогда меня не станет, плетения слишком хорошо на нем завязаны, – медленно, задумчиво ответил мужчина, – потерпи, мы что-нибудь придумаем... Вот, кстати, твоя гувернантка...

И он словно оборвал себя на полуслове, а затем – снова девичий голос:

– Ты ещё здесь? Эй!

Тут я быстрым шагом двинулась вперед и вылетела в просторную спальню. На краю широкой кровати сидела Солья ле Ферн. И никого больше не было в этой комнате.

– Вы? – зло прошипела она и сжала кулачки, – какого чистого вы здесь делаете?

– С кем ты разговаривала, Солья? – строго спросила я, изо всех сил стараясь скрыть собственное потрясение.

Взгляд метался по комнате. Да, это была спальня. Розоватые обои, модного оттенка «пепел розы». Кисейные занавески. Большие куклы в пышных платьях, аккуратно рассажены по кушетке. И все. Ни следа мужчины.

– Ни с кем, – ответила девочка, но в ее голоске мне почудилась издевка.

– Послушай, – я подошла к ней поближе, – я же слышала мужской голос. Куда делся твой собеседник? Здесь есть тайный ход? Или что? Неужели ты не понимаешь, что такая маленькая девочка не должна принимать мужчин у себя в спальне? Что это просто недопустимо для юной герцогини?

Она сидела и смотрела на меня так, что, если бы могла, то убила бы. В огромных чернильных глазищах билась, пульсировала ярость, досада — и совсем чуть-чуть — страх.

— Солья, — уже мягче сказала я, — пожалуйста, не упрямься.

Понимаешь, того, что происходит, не должно быть?

Она опустила голову, темно-русые кудри волнами легли на узенькие плечики, а я снова невольно присмотрелась к ее ушам — но, хвала Матильде, уши оказались самые обычные. В тот раз мне просто померещилось.

— Всего того, что происходит, не должно быть, — наконец очень тихо ответила она, — но это не ваше дело. Вас сюда выписали как гувернантку, вот и занимайтесь своим делом.

— Вот, значит, как, — я тоже начинала злиться, — тогда мне ничего не остается, как рассказать все твоему отцу.

— Оттону? — уточнила наследница.

— Твоему отцу, — весело повторила я.

Какие бы мысли не бродили в голове у Сольи, я не буду ей потакать.

— Рассказывайте, — вдруг спокойно проговорила она, посмотрев мне в глаза, — Доносите, мисс Кромби. Чистый король вам в помощь.

Я вздохнула. Интересно, как я буду ее учить, если вот так у нас все не заладилось с самого начала? И, наконец, Солья может говорить все, что угодно, но я-то точно слышала мужской голос!

— Послушай, — я глубоко выдохнула и села рядом с ней. Солья тут же чуток отодвинулась, словно ей было неприятно, если я ее коснусь. Пахло от нее цветами, такой легкий, нежный запах... Наверное, просто дорогие духи.

— Солья, — тихо сказала я, — на самом деле я вовсе не хочу на тебя доносить герцогу. Но, понимаешь ли, то, что из твоей спальни слышен мужской голос, это может быть опасно для тебя самой... Я беспокоюсь о тебе, Солья.

Она презрительно фыркнула.

— Не о чем беспокоиться. Вам уж точно не о чем.

— Но голос... Солья, как не бывает дыма без огня, так не бывает мужского голоса без мужчины. Кто он, маленькая?

Она нахохлилась, как мокрый воробей, глянула на меня исподлобья.

– Это не ваше дело, мисс Кромби. И этот голос не опасен, клянусь, иначе я бы уже обо всем рассказала Оттону.

– Твоему отцу?

Она тяжело вздохнула, покачала головой.

– Да, мисс Кромби. Моему отцу, раз вам так хочется.
А меня вдруг осенило.

– Скажи, Солья... тот портрет, который ты скомкала и выбросила. Это лицо твоего невидимого друга?

– Вы уже роетесь в моих вещах?

– Я всегда мечтала рисовать, – нимало не смутившись, ответила я, – но меня никогда не учили. Поэтому мне больно, когда выбрасывают рисунки... почему ты его выбросила?

– Я плохо нарисовала, – пробормотала она.

– А зачем рисовала?

– Потому что хотела, чтоб он был рядом, а не только в снах, и не только голос.

– Кто он, Солья?

Тут она посмотрела на меня совершенно взрослым взглядом.

– Раз вам так интересно, мисс Кромби, это друг герцога леФерн. И он – могущественный маг. Но лучше бы вам ничего у моего... отца не спрашивать. Вы ведь уже говорили с ним, знаете, как зол он бывает?

– Даже если это и так, ты не должна принимать этого «друга отца» здесь. Это неприлично.

– Хорошо, – она пожала остренькими плечиками, – не буду. Конечно, вы правы, мисс Кромби. Больше ничего такого не повторится.

Она даже улыбнулась мне, но стоит ли говорить, что я Солье не поверила ни на минутку? Наверное, мне следовало поговорить обо всем этом с герцогом. Все-таки это к его единственной дочери шастает не пойми кто... К дочери, которая утверждает, что он ей не отец. Тьфу, путаница какая-то.

– Завтра начинаем занятия, – сказала я строго.

– Хорошо, мисс Кромби, – елеиным голоском ответила девочка.

– Солья, скажи, я могу идти и быть спокойной насчет того, что ты в безопасности?

– Конечно, – ответила она.

Я поднялась и медленно двинулась к выходу, все ещё оглядываясь в надежде... на что? возможно, на то, что замечу приоткрытый лаз тайного хода. Но, конечно же, ничего такого я не увидела. Оглянувшись на пороге, чтобы сказать «до вечера», но одного взгляда, брошенного на Солью, хватило, чтобы слова застряли в горле.

Девочка сидела на кровати, красноватый свет заката раскрасил полосами тканый ковер под ногами. И мне вдруг показалось, что темные полосы, прочерченные тенями, движутся. Они совершенно непонятным образом извивались, как будто ластясь к ногам Сольи, и даже немного лезли вверх, по светлому покрывалу, и терлись о ее ноги сквозь ткань платяца.

Во рту моментально стало кисло, я пошатнулась.

Да что здесь в самом деле происходит?

Или это я схожу с ума, потому что рядом очень сильный маг?

Я моргнула, и видение пропало. Тени спокойно и неподвижно лежали на полу, зажатые лезвиями света. Я отвернулась и поспешила

прочь, уже не раздумывая о том, как найду свою комнату. Как-нибудь да найду...

* * *

Наверное, меня здорово подстегивал страх, потому что дорогу к своей комнате я нашла довольно быстро. Ноги сами несли сквозь светлые галереи и залы, а перед глазами вперемежку мелькала то сломанная куколка, то Солья, хрупкая Солья, к ногам которой жались тени.

Но ведь так не бывает, верно?

Да и вообще, я образованная ведьма. Я не верю ни в предсказания будущего – потому как невозможно предсказать то, что сами мы меняем ежеминутно, ни в то, что тени на полу, размеченные прямоугольниками, могут шевелиться без видимых на то причин.

Но, оказавшись в своей спальне, я на всякий случай заперла дверь на щеколду. Конечно, ничто не мешало двери вышибить снаружи, но я надеялась, что до этого не дойдет. Да и кто меня будет преследовать?

Зачем? Разве что тот самый гость ле Ферна, голос которого я слышала в детской спальне?

Некоторое время я мерила шагами комнату, потом пошла и умылась. Холодная вода, которой я долго и щедро плескала в лицо, немного успокоила. Пальцы замерзли, я повернула латунный вентиль в виде прыгающей лани, и из крана потекла горячая вода. Сунув в нее руки, я непроизвольно подсмотрела, что за заклинание привязано к системе водоснабжения, и даже не удивилась, когда увидела тонкое, но прочное плетение чернильных нитей. Конечно, проследить заклинание дальше не получилось: меня снова играючи толкнули назад, да еще больно стукнули по лбу. Я глянула в зеркало – ровно меж бровей осталось красное пятно. Не хватало еще, чтоб ле Ферн начал задавать вопросы.

Я вернулась в спальню и, поскольку делать было совершенно нечего, вновь вышла на балкон. Тарелочки с розовыми кустами как раз выстроились концентрическими кругами, так, что в центре оказались розы белые, и чем ближе к краю, тем больше красного добавлялось к цвету. В результате по краю оказались розы сочного бордового цвета, и

куст был так близко от балкона, что я могла протянуть руку и сорвать крупный цветок. Я с наслаждением вдохнула сладковатый цветочный аромат. Возможно, все не так ужасно, как я себе вообразила? Возможно, и ле Ферн не так ужасно груб и дурно воспитан, если создает столь прекрасные вещи? А все эти страхи беспочвенны, да и вообще, оттого, что я устала за день?

Оставался мужской голос в спальне Соли.

Но ведь я – ее гувернантка, и наверняка смогу разузнать, в чем там дело, верно?

Перламутровые тарелочки вновь начали менять расположение, при этом почему-то тихо посвистывая, так что я едва расслышала стук в дверь. Сердце тут же подскочило в груди и помчалось вскачь, я подбежала к двери, но открывать не спешила.

– Кто там?

– Это я, Сарро, – раздалось по ту сторону приглушенное, – его светлость приказал сопроводить вас на ужин.

– Минуточку, – ответила я.

Метнулась в ванную, придирчиво осмотрела себя в зеркало. Кажется, все было в порядке: волосы собраны в узел на затылке, воротничок на платье выглядит белым и свежим. Пятно на лбу побледнело и было почти незаметно. Я быстро намочила пальцы в ледяной воде и приложила их к щекам: как и все рыжие, я была обладательницей светлой кожи, которая, стоило поволноваться,

наливалась краснотой. Показываться ле Ферну в виде этакого румяного рыжего поросенка почему-то не хотелось. Хотелось быть похожей на аристократку, с бледной кожей, темными полукружьями бровей, и томным взглядом зеленых глаз. Да уж... Смешно. Почему-то перед герцогом хотелось выглядеть чуточку лучше.

Последний взгляд в зеркало, понимание того, что мое уродливое серое платье ничто не скрасит, и я заторопилась к выходу.

Сарро терпеливо ждал, и при виде меня отвесил галантный поклон, предложил руку. Я снова покраснела, но несмело положила ладонь на рукав дорогого сюртука. Заметила, что у Сарро ногти были не как у людей – черные, толстые, они даже загибались, словно когти хищника. Сарро их явно подрезал. И я невольно задумалась о том, какие они, люди Диких племен, которых называли алишс? Да и люди ли вообще? Сарро был просто огромным, его рост и ширина плеч

подавляли. Я по сравнению с ним казалась мелкой комашкой, которую он при желании может прихлопнуть – и даже не заметить. В общем, я макушкой едва доставала ему до груди.

– Как вы нашли его светлость? – первым нарушил он молчание, искоса поглядывая на меня с высоты своего роста.

«Невоспитанный грубиян,» – чуть не вырвалось у меня, но я вовремя прикусила язык.

– Его светлость производят впечатление весьма своеобразного человека, – вот что я сказала.

Сарро вдруг фыркнул.

– Я вас понял, мисс Кромби. Надеюсь, он вас ничем не обидел?

– А у вас есть возможность отправлять письма из замка? Сарро снова покосился на меня.

– Так ведь мне некому писать, мисс Кромби. Я говорил, что родился здесь. Вряд ли кто-нибудь есть у меня за стенами замка Ферн.

– То есть, вы хотите сказать, что герцог сам занимается отправкой писем? – я решила не отступать.

– Разумеется, – мягко ответил Сарро и даже улыбнулся.

А я подумала, что даже зубы у него не совсем человеческие: клыки так гораздо длиннее и острее... Интересно, люди из племен питаются сырым мясом? Иначе зачем такие зубы?

Но я приуныла. Так надеялась отправить весточку Рут, описать все те странные вещи, что здесь происходят, но, выходит, придется обо всем думать самой.

– Я слышала, в замке гостит ещё один сильный маг, – как бы невзначай обронила я.

Рука Сарро напряглась, я это почувствовала даже сквозь ткань.

– И от кого вы это слышали? – тихо поинтересовался полукровка.

Тут я, конечно, могла бы выдать Солью, и рассказать о том, что слышала, но почему-то не стала.

– Слышала, как в коридоре об этом говорили служанки, – соврала торопливо и обреченно поняла, что снова краснею. Врать я не умела совершенно. К своим двадцати годам так и не научилась.

– Они всякую чушь болтают, не слушайте, – твердо сказал Сарро.

– То есть, никакого мага в замке нет?

Сарро остановился, стал напротив меня и, чуть наклонившись, быстро сказал:

– Вы помните, что я вам советовал, мисс Кромби? Не суйте свой очаровательный носик туда, куда не следует, и все обойдется.

Я моргнула. Что это было, только что?

– Значит, вы на моей стороне? – спросила так же тихо.

– Нет, – ответил он, чуть подумав, – у меня свой интерес. И, ежели что, не надо на меня рассчитывать.

– Понятно, – я опустила голову.

Мне явно не везло в замке ле Ферн. Уж лучше бы я в самом деле сюда не приезжала. Впрочем, оставалось надеяться, что герцогу я быстро надоем, а выплаченного жалованья хватит, чтобы начать самостоятельную жизнь.

– Идемте, не стоит заставлять его светлость ждать, – поторопил Сарро, вновь предлагая мне руку.

И мы двинулись дальше. К сожалению, Сарро не хотел становиться моим союзником, но кое-что он обозначил весьма точно: не стоит ни у кого спрашивать о том, что за маг здесь гостит. Уж это я поняла.

...Ужин был сервирован в просторном зале. Поскольку за окнами сгущались сумерки, ярко горели магические кристаллы, что гроздьями висели меж окон. Во главе длинного, в три человеческих роста стола, сидел сам герцог – все так же небрежно одетый, в одной руке тонкостенный бокал с темным, как кровь, вином, в другой – развернутая газета. Еще одна газета лежала поверх тарелки, но Оттона, похоже, это ничуть не заботило. Солья тоже присутствовала, расположилась по правую руку от отца. Наряженная, словно кукла, вся в воздушных оборочках, и в волосах белый кисейный бант. Ни миг наши взгляды встретились, и мне показалось, что дочь герцога чуть заметно кивнула, как будто мы о чем-то с ней сговорились. Впрочем, может и сговорились.

Мне, судя по всему, предлагалось занять место по левую руку его светлости. А где же прибор для таинственного мага? Но я промолчала. Все это со временем узнается, но раз уж Сарро почти напрямую попросил помалкивать – что ж, послушаю его.

Тем временем Оттон ле Ферн соизволил оторваться от газеты и посмотреть на меня.

– А, вот и вы, мисс Кромби. Присаживайтесь, не заставляйте ждать. Сарро, ты свободен на вечер, но к полуночи я тебя жду.

Я молча подошла и села на предложенное место. Уставилась в пустую тарелку, белую, с синей узорной росписью по краям. Я чувствовала, как тяжелый взгляд герцога скользит по мне – по лицу, по шее, еще ниже.

– Распустите этот ужас, что у вас на голове, – наконец скомандовал он, а Солья насмешливо фыркнула.

– Зачем, ваша светлость?

Оттон ле Ферн отложил газету, продолжая буравить меня взглядом.

– Затем, мисс Кромби, что я вам уже говорил раньше. Я люблю красивые вещи. Так что давайте, порадуйте меня – или я вас вышвырну из-за стола.

Возможно, я должна была подняться и уйти. Но... Было что-то в Оттоне ле Ферн, что ломало, комкало волю, как Солья скомкала тот портрет, и я, покраснев ещё больше, подчинилась. Медленно, одну за другой, выдернула шпильки, держащие волосы в узелке, и медно-рыжая волна тяжело упала на плечи. В зале стояла мертвая тишина, а потом герцог хмыкнул.

– Ну вот, ничего страшного не случилось. Так гораздо лучше, мисс Кромби. Так вы больше похожи на очаровательную женщину, чем

на иссушенную наукой гримзу. Впредь являйтесь ко мне вот так, договорились?

Я молча кивнула. Говорить просто не могла, меня жег стыд – и оттого, что подчинилась, и оттого, что снова сделалась красной, как вареный рак. Но взгляд Соля я на себе почувствовала, быстро глянула на нее – на бледном кукольном личике девочки мелькнуло нечто, похожее на жалость. Я снова уставилась в тарелку. А Оттон ле Ферн позвонил в колькольчик, и тут же послышались шаги прислуги. Так начался мой первый ужин в замке.

Блюда, которые приносили, были великолепны. И, хоть и не шел кусок в горло, я попробовала и жаркого с тушеными овощами под клюквенным соусом, и паштет, и сыр с белой плесневелой корочкой и совершенно мягкий внутри. Сыр подавали с белым же виноградом, который я до этого видела исключительно на картинках. Оказалось – вкусно.

Соля ужинала с аппетитом, я даже поразились тому, как много может съесть такая худенькая девочка. Его светлость небрежно ковырялся в тарелке, прихлебывал вино и продолжал читать газеты, его взгляд скользил по напечатанным строкам, а на лице появилось спокойное, умиротворенное выражение. Потом он отложил газеты в сторону, оглядел нас.

– Ну что, мисс Кромби? Как вам ужин? Надеюсь, лучше, чем в вашей этой дыре, как там она называлась?

Я отложила вилку и нож, и ответила со всем достоинством, на которое была способна в тот момент:

– Пансион святой Матильды, ваша светлость. Ужин великолепен, вы очень щедры.

Ответ, казалось, вполне его удовлетворил.

Он отставил бокал, побарабанил пальцами по скатерти, затем спросил:

– Когда думаете приступать к занятиям?

– Полагаю, что завтра. Если ваша дочь соизволит...

– Еще как соизволит, – безмятежно ответил герцог, – ты ведь не будешь меня позорить, Соля?

Девочка вздохнула, картинно подкатила глаза.

– Отец, я буду прилагать все свое усердие.

– Хотелось бы, – он покачал головой, словно в задумчивости, а затем внезапно сменил тему разговора, – вы читаете газеты, мисс

Кромби?

– Да, ваша светлость. Но в пансионе их было мало. Да и считалось, что женщинам не следует увлекаться чтением подобного...

– А что же тогда читать женщинам? – он даже почесал свою холеную бородку, глядя на меня с прищуром, – небось, любовных романов вы перечитали куда больше, а? Впрочем, наверняка так и есть.

И это приветствуется в пансионе, выпускающем магесс. Вместо того, чтобы заставлять их думать о том, что делать с этими треклятыми норами Теней. Вон, почитаете потом, целая деревня рухнула в никуда. Между прочим, две сотни человек как не было. Здоровые мужики, женщины, дети... Проклятые аномалии!

Я помолчала. Похоже, происшедшее в самом деле огорчило герцога. Он был искренне опечален участью тех, сгинувших в неведомом безвременье.

– Но что мы можем придумать, ваша светлость? Тени – одни из древних рас, насколько мне известно. Гораздо древнее людей. Путешественники по мирам.

– Именно, древняя раса, – он энергично кивнул, – и даю руку на отсечение, эти твари знают, как восстановить баланс материи, раз уж они вгрызлись в наш мир... Знают, но ничего не хотят делать.

– Возможно, граф Уимбер мог бы их допрашивать, прежде чем убивать? – тихо спросила я, и поймала взгляд Солю, полный злости. С чего бы?

Оттон ле Ферн ухмыльнулся. Жутковато ухмыльнулся, у меня мурашки побежали по коже.

– Вы думаете, не допрашивал? И продолжает допрашивать, когда удастся поймать Тень. Но даже те, кому он развязал языки, несут какую-то чушь о промежуточном звене, и о том, что никто из них на это не пойдет.

– Как интересно, – сказала я, – а что же по этому поводу думают ведущие маги королевства? Те, кто много лет занимается проблемой пространственных аномалий как результата вторжения шедов?

– К сожалению, мисс Кромби, все, о чем они додумались – так это то, что Тени могли бы прекратить все это... могли бы, да. Но слишком любят себя, твари, и поэтому им совершенно наплевать, что происходит с несчастным миром, который они изгрызли своими норами, изрыли своими городами. Впрочем, я сделал кое-что, что бы оградить мое герцогство от этих неприятностей...

Он умолк, задумчиво теребя шелковую ленту на серебряном колокольчике. Затем резко схватил его, затряс в воздухе.

– Эй, вы там! Я жду десерт!

Я посмотрела на Солью, и поняла, что все это время девочка разглядывала меня. Без особой злости, но очень внимательно.

* * *

Когда я вернулась к себе, за окнами стемнело окончательно, и на небо выкатился бледно-золотой рожок молодого месяца. Выйдя на балкон, я заметила, что тарелочки с розовыми кустами продолжают

перемещаться так же, как и днем, не останавливаясь и не опускаясь на землю. Да какой же емкости и скорости наполнения должен быть резерв у герцога? То-то он меня так пугает...

Подул ветер, окончательно растрепав волосы, и я сильнее сжала кулак, в котором унесла вынутые из прически шпильки. Надо же... зачем он меня заставил? Да еще так унижительно. Не попросил, приказал... Хотя, что странного, он здесь хозяин.

Я подставляла разгоряченное лицо свежему ветру, и вдруг подумала, что могла бы выйти в сад. Не воздушный, настоящий, по которому мы шли с Сарро. Вряд ли мне будет угрожать какая-либо опасность. А после столь напряженного дня хотелось побродить в одиночестве и подышать чистым вкусным воздухом, напоенным запахами входящей в силу осени.

Мой балкон смотрел на воздушный сад, следовательно, сад настоящий должен был находиться по другую сторону от замкового крыла, в котором я находилась. Правда, все еще оставался риск заплутать в бесконечных коридорах, запутаться в ажурных лабиринтах лестниц и галерей, но я решила, что, даже если и потеряюсь, умереть от жажды и голода мне все равно не дадут, а потому решительно уложила волосы в узел, кое-как, лишь бы держались, набросила на плечи плащ и вышла из комнаты.

В замке было тихо и светло, всюду горели светильники – и, пока шла, у меня в голове по привычке щелкал счетчик затрачиваемых магаттов. Чем дальше, тем более жутко становилось. Да это не человек, а монстр какой-то. При желании он бы одним щелчком мог бы раздавить всех магов Его Величества и править сам. Разве что ему это не было нужно? А, может быть, как и сказал мне Сарро – цель Оттона ле Ферн была весьма благородной. Сделать свой замок лучшим местом в мире.

Я все-таки заплутала, но, к счастью, встретила торопившуюся куда-то горничную – она-то и указала мне верное направление. Поблагодарив женщину, я поспешила туда, и очень скоро отворила дверь черного хода и шагнула в прохладную, шелестящую,

поскрипывающую,

шуршащую ночь.

Впрочем, вдоль дорожек в саду, среди стриженной травы, тоже были кристаллы – небольшие, на металлических спицах. Они давали не много света, но зато позволяли прекрасно видеть отсыпанную

камешками дорожку и не заблудиться. Я медленно пошла вперед, дыша глубоко и с наслаждением. Под деревьями залегли непроницаемые тени, и все время что-то шелестело и шуршало. Я несколько раз обернулась, когда где-то хрустнула сухая ветка. Но ведь здесь не должно быть ни зверей, ни людей, которые были бы мне врагами?

Ночь была хороша. С безоблачным небом, в мякоти которого увязли колючие кристаллики звезд, с бледным толстеньким рожком месяца, который завтра-послезавтра уж превратится в неполную, как будто прищурившуюся луну. Пахло яблоками, сырой листвой и землей, и здесь, внизу, оказалось так свежо, что я запахнула плотнее плащ на груди и набросила капюшон.

Хотелось привести мысли в порядок – а их, мыслей, было так много, что они мне самой напоминали смотанные в клубок перепутанные шерстяные нитки. И, конечно же, главное место в этом безобразии занимал герцог ле Ферн.

Беда в том, что я понятия не имела, как нужно держать себя с такими людьми. В пансионе до нас подобные не добирались – а если и добирались изредка, их живо отправляла восвояси матушка. Здесь же, получается, я оказалась в полной власти наглого тирана, который, видите ли, обожал смотреть на красивые вещи, в число коих вошли мои волосы. А ещё он вертел людьми, как тряпичными куклами, я в этом уверена. И дочку свою измучил своей грубостью.

На миг прикрыв глаза, я воскресила в памяти образ герцога. Как странно, лицо этого наглеца не вызывало неприязни. Наоборот, я вдруг испытала странное желание заставить его себя уважать. Только вот как? Известно, как. Научить чему-то его дочку.

Я вздохнула, все еще с закрытыми глазами. Попробуй ее научи. А ну как не пожелает учиться по чертежам? Что тогда?

Тут я поняла, что попросту тону в круговерти собственных бестолковых мыслей, открыла глаза – и, испуганно ойкнув, дернулась назад.

В шаге от меня, перегородив дорожку, стоял мужчина. Это был не Сарро, и не Стрей. Да и вообще, вряд ли кто из прислуги, если судить по богато расшитому камзолу, темному с серебром, и по повелительной посадке головы. Я никогда не видела этого мужчину раньше... Или все же видела? Что-то неуловимо знакомое... В лице,

где каждая черточка как будто острее, чем нам привычно – острые скулы, черные брови с изломом, острый нос с горбинкой... Длинные пряди, падающие на лоб, на выразительные и чуточку кошачьи темные глаза...

«Так ведь это его рисовала Солья», – успела подумать я.

Следующей мыслью было – и, наверное, это он был в спальне у девочки. Тот самый маг, который гостит у герцога. Почему его не было за ужином?

А он молчал и рассматривал меня, и мне сделалось не по себе от этого пристального, словно выворачивающего наизнанку взгляда. Святая Матильда! А вдруг он решит, что от меня надо избавиться, потому что я подслушала их с Сольей разговор?

Сдавленно пискнув, я сделала ещё один смешной, неуклюжий шаг назад, и уже повернулась, чтобы бежать изо всех сил и звать на помощь, как незнакомец поднял руки в примирительном жесте и сказал:

– Не пугайтесь! Я не сделаю вам ничего плохого, мисс.

Тут я сообразила, насколько смешно, наверное, выгляжу в глазах этого мага и покраснела. Хорошо, что была ночь, и вряд ли он увидел мои щеки цвета свеклы. Призвав на помощь все свое самообладание, я поспешно сделала книксен.

– Доброй ночи, мистер...

– Эрис Аш-исси.

И он отвесил галантный поклон, да так, что я почувствовала себя никак не меньше, чем принцессой на балу. Что-то было в каждом его движении, отчего создавалось впечатление, что он то и дело сливается с ночными тенями, перетекает так плавно, так гладко, как будто ему нет нужды вообще ступать по земле.

– Лора Кромби, – представилась я в ответ, заморожено наблюдая за тем, как мистер Аш выпрямился и переместился ближе ко мне. Он был высок, строен и, к моему крайнему смущению, молод и хорош собой. Я невольно задрала голову, что бы увидеть его глаза получше – в свете кристаллов мне показалось, что они абсолютно черны.

– Очень приятно, – сказал он, – вы позволите мне составить вам компанию?

Я покачала головой.

– Звучит заманчиво, сэр, не буду отрицать, но... Я только сегодня устроилась гувернанткой для Сольи ле Ферн, и, знаете... его светлость предупредил, чтобы никаких... м-м... – я задумалась на минутку, как

бы чуть более изысканно передать этому магу слова герцога, и, придумав, продолжила, – никаких случайных знакомств. Иначе, как сказали их светлость, будут серьезные последствия. Но его можно понять. Солья – его единственная дочь, судя по всему, и ему хочется, что бы гувернантка делала свое дело, а не устраивала личную жизнь.

Мистер Аш смотрел на меня несколько минут молча, а затем тихо рассмеялся.

– Так ведь мы здесь совершенно одни, мисс Кромби. Он ничегошеньки не узнает.

– Вот именно, одни, – заметила я, – это, знаете ли, выглядит не очень прилично.

– Но я ведь не сделаю вам ничего дурного, а мне так скучно...

Внезапно он резко шагнул в сторону, туда, где росла трава, неуловимо-быстро наклонился, а затем, выпрямившись, протянул мне маленький цветок. И был бы это обычный цветок, похожий на маргаритку, если бы не тусклое свечение по кромкам его лепестков.

– Что это? – я испуганно отшатнулась.

– Эллериум, мисс Кромби. Пророс в этот мир из города Теней.

– Это значит, что здесь скоро будет аномалия? – я нахмурилась.

– Аномалия? Нет, что вы. Возьмите, не бойтесь.

И, пока я раздумывала, глядя на призрачно светящиеся лепестки, он добавил:

– Аномалии возникают там, где норы теней. А здесь поблизости нет ни одной. По крайней мере, раньше не было.

Я наконец решилась и протянула руку, и на мою ладонь опустился невесомый стебелек.

– Эллериум замечательно пахнет, – вкрадчиво сказал мистер

Аш.

– Это вы были в спальне Сольи? – напрямую спросила я.

– А это вы подслушивали то, что не следует? – свет кристаллов позволил разглядеть быструю усмешку.

– Я испугалась за девочку, – ответила я, – вы же взрослый мужчина, что вы там делали?

– Понюхайте цветок, – посоветовал он.

Я механически поднесла эллериум к носу и осторожно вдохнула.

Тонкий, очень изысканный аромат, с горчинкой.

– Нравится?

На меня в упор и с интересом смотрели кошачьи глаза.

– Нравится, – согласилась я, – но вы так и не ответили на мои вопросы. Я пока ничего не говорила герцогу, но...

– У нас с Сольей свои дела, которые вас не касаются.

– Какие дела могут быть у взрослого мужчины и не очень взрослой девочки? Она сказала, что вы – маг, что вы гостите у герцога... Почему я не видела вас за ужином? Почему Сарро о вас ничего не захотел говорить? Что здесь, побери меня чистый, происходит?

– Это Солья сказала, что я здесь гость? – он нахмурился, словно вспомнил что-то неприятное.

– Да, – ответила я, думая о том, что Солья много еще чего говорила, но не буду же я это пересказывать этому мужчине, с которым мы одни в ночном саду.

– Это так, я гость. Меня пригласил ле Ферн, что бы я обучил его дочь тому, как сражаться с Тенями. А днем вы не видели меня оттого, что я болен и не переношу солнечный свет. Этого объяснения довольно?

– Никогда не слышала о подобной болезни, – буркнула я.

– Последствия магических опытов, – он развел руками и посмотрел на меня совершенно обезоруживающе. – Так что, верите мне?

– Честно говоря, не очень, – сказала я, – ведь вы не предоставили мне доказательств. Но я обязательно расспрошу Солью о том, как она планирует сражаться с Тенями... Я ведь ее гувернантка, и, когда меня сюда приглашали, не было речи о том, что девочку будет обучать кто-то еще.

Казалось, мистер Аш погрузился.

– Что ж, – сказал он, – воля ваша. Жаль, что вы мне не верите. Я всю жизнь посвятил борьбе с шедами, многое знаю об их городах, да и вообще... Впрочем, не буду вас задерживать, мисс Кромби. Я вижу, что мое общество вам неприятно.

Он обозначил кивком поклон и, развернувшись, пошел прочь. А я

стояла и смотрела вслед. Мне было чрезвычайно неловко оттого, что я,

кажется, его обидела. Ведь он дал мне вполне исчерпывающие объяснения. И при этом как-то не очень верилось во все это. Наверное, стоит пойти и все рассказать герцогу, пока дело не обернулось бедой... Я смотрела вслед мистеру Аш-исси. Странное такое имя, он явно приезжий. У него были широкие плечи, прямая спина. Он уходил все дальше и дальше, терялся среди теней... На миг мне показалось, как что-то темное метнулось к нему из мрака, засеменяло рядом. А потом Эрис Аш-исси окончательно утонул во мраке, и совершенно внезапно я ощутила укол сожаления. Какие глупости! Я посмотрела на цветок эллериума и, вскрикнув, разжала пальцы. Мгновение назад это была свежая маргаритка, разве что только с мерцающими краями лепестков, а сейчас она попросту осыпалась мне на пальцы черной трухой.

Чистый знает что творится в этом замке.

Я развернулась и зашагала в свои апартаменты. Гулять расхотелось совершенно.

... И все бы ничего, но всю ночь мне снился Эрис Аш-исси. И весь мой сон мы целовались, и было это так приятно и сладко, что я проснулась до рассвета с бешено колотящимся сердцем. Откуда я знаю, каково это, когда тебя с явным знанием дела целует малознакомый мужчина? Никто не целовал меня раньше. Я побрела в ванную, что бы поплескаться в лицо холодной воды, и с ужасом уставилась на собственное отражение. Щеки пылали, и губы покраснели и припухли так, как будто я на самом деле...

Конец ознакомительного фрагмента. Купить полную книгу вы можете на страничке автора: <https://feisovet.ru/магазин/Лорд-из-города-теней-Оливия-Штерн>